

**КАДЗУО
ИСИГУРО**

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

КОГДА
МЫ БЫЛИ
СИРОТАМИ

С ХАРАКТЕРНАМИ
КОИШЕ СТОИМ ИСИГУРО
ПРЕВРАЩАЕТ КЛАССИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВНЫЙ СЮЖЕТ В НЕЧТО
УДИВИТЕЛЬНОЕ И НЕПОВТОРИМОЕ
THE WALL STREET JOURNAL

Кадзуо Исигуро
Когда мы были сиротами
Серия «Интеллектуальный бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2452705
Когда мы были сиротами: Эксмо, ИД Домино; М.: СПб.; 2006
ISBN 978-5-699-19314-1

Аннотация

От урожденного японца, выпускника литературного семинара Малькольма Брэдбери, лауреата Букеровской премии за «Остаток дня» – изысканный роман, в котором парадоксально сочетаются традиции «черного детектива» 1930-х годов и «культурологической прозы» конца XX – начала XXI века.

Известнейший детектив, интеллектуал Кристофер Бэнкс с детства мечтает раскрыть тайну исчезновения своих родителей – и наконец ему представляется возможность сделать это, в очень беспокойное время отправившись по маршруту Лондон – Шанхай. Однако расследование Кристофера и его экзотическое путешествие постепенно превращаются в странствие из Настоящего в Прошлое, из мира иллюзий – в мир жестокой реальности...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	23
Часть вторая	31
Глава 4	31
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кадзуо Исигуро

Когда мы были сиротами

Посвящается Лорне и Наоми

Часть первая

Лондон, 24 июля 1930 года

Глава 1

Стояло лето 1923 года, в то лето я вопреки желанию тетушки, мечтавшей, чтобы я вернулся в Шропшир, приехал из Кембриджа в столицу и снял маленькую квартиру в Кенсингтоне, в доме номер 14-б по Бедфорд-Гарденз. Сейчас я вспоминаю эти три месяца как самое чудесное время моей жизни. После нескольких лет, проведенных в окружении сверстников – сначала в школе, потом в Кембридже, – я получал огромное удовольствие от уединения. Наслаждался прогулками по лондонским паркам, тишиной читального зала библиотеки Британского музея, часами бродил по улицам Кенсингтона, строя планы на будущее, останавливался ненадолго, чтобы полюбоваться фасадами домов, увитых, даже в самом центре города, плющом и другими ползучими растениями.

Именно во время одной из таких бесцельных прогулок я совершенно случайно встретил старого школьного приятеля Джеймса Осборна и, выяснив, что мы соседи, пригласил его зайти ко мне, когда он в следующий раз окажется рядом с моим домом. Хотя к тому времени я еще ни разу не принимал гостей в новой квартире, приглашение высказал без всяких сомнений, поскольку к выбору жилья отнесся с полной ответственностью. Арендная плата была невысока, но квартира оказалась обставлена хозяйкой со вкусом и пробуждала воспоминания о размеренной викторианской эпохе. В гостиной, первую половину дня залитой солнцем, стояли старинная софа, два уютных кресла, антикварный буфет и дубовый книжный шкаф, набитый ветхими энциклопедиями, причем каждая, вне всяких сомнений, заслужила бы одобрительное внимание любого образованного человека. Более того, вселившись в квартиру, я почти сразу же отправился в Найтсбридж и приобрел там чайный сервиз эпохи королевы Анны, несколько пачек превосходного чая и большую жестяную коробку печенья. Вот почему, когда через несколько дней Осборн действительно зашел ко мне утром, я смог угостить его и держаться при этом так, что Джеймс ни в коем случае не мог догадаться, что он мой первый гость в этом доме.

С четверть часа Осборн, не присев ни на миг, бродил по гостиной, расточая комплименты по поводу обстановки, пристально все рассматривая, то и дело выглядывая из окон и живо комментируя происходящее внизу. Потом он плюхнулся на софу, и мы смогли наконец поведать друг другу новости из собственной жизни и жизни наших школьных товарищей. Помнится, какое-то время мы посвятили обсуждению деятельности рабочих профсоюзов, после чего перешли к долгой и приятной беседе о немецкой философии, позволившей обоим продемонстрировать мастерство ведения интеллектуальной дискуссии, коим каждый из нас овладел за время учебы в университете. Затем Осборн снова вскочил и стал мерить шагами гостиную, излагая перспективы своего будущего:

– Знаешь, я подумываю заняться издательской деятельностью: газеты, журналы и прочее. А более всего я хотел бы вести постоянную колонку – о политике и социальных проблемах. Но это в том случае, если не решу сам заняться политикой. Слушай, Бэнкс, а ты что, в самом деле не знаешь, чем бы хотел заняться? Ты только взгляни: здесь все к нашим услугам. – Он сделал жест в сторону окна. – Наверняка какие-то планы у тебя есть.

– Не буду отрицать, – ответил я с улыбкой. – Две-три мыслишки бродят у меня в голове. Когда-нибудь я тебе о них поведаю.

– Зачем откладывать? Ну давай, давай признавайся! Я все равно от тебя не отстану!

Но я не стал с ним откровенничать, и мы снова заговорили то ли о философии, то ли о поэзии, то ли еще о чем-то подобном. Около полудня Осборн вдруг вспомнил, что договорился пообедать с кем-то на Пиккадилли, и начал собираться. Уже на пороге, обернувшись, он сказал:

– Послушай, старина. Сегодня намечается веселая вечеринка в честь Леонарда Эвершотта – ну, того самого воротилы, знаешь? Устраивает ее мой дядя. Понимаю, что делаю приглашение слишком поздно, но, может, захочешь зайти? Я вполне серьезно. Знаешь, давно собирался заглянуть к тебе, да все как-то не оказывался рядом. Вечеринка состоится в «Чарингуорте».

Поскольку я ничего не ответил, он добавил:

– Я подумал о тебе, потому что помню, как ты, бывало, безжалостно пытал меня по поводу моих «связей». Ой, только не надо! Не притворяйся, будто забыл! Я отлично помню, как ты мучил меня расспросами, что значит иметь «хорошие связи». Так вот: полагаю, теперь старине Бэнксу как раз представляется случай воочию увидеть, что такое «хорошие связи». – Он тряхнул головой и пожал плечами. – Господи, в школе ты был такой чудной!

Думаю, именно в тот момент я решил принять приглашение Осборна на вечеринку, оказавшуюся, как выяснилось впоследствии, гораздо более интересной, чем я мог предположить, и проводил его к выходу, ничем не выдав обиды, которую почувствовал при его последних словах.

Вернувшись в гостиную и снова усевшись на софу, я испытал еще большее раздражение, поняв, что именно имел в виду Джеймс. Дело в том, что в школьные годы об Осборне ходили слухи как о человеке «со связями». Когда бы речь ни заходила о нем, эту тему затрагивали неизбежно, и наверняка я сам не раз повторял это выражение. Меня действительно интриговало то, что он был неким загадочным образом связан с какими-то высшими сферами, хотя ни внешним видом, ни поведением ничуть не отличался от остальных. Тем не менее мне трудно было представить, чтобы я, как он выразился, «безжалостно пытал» его по этому поводу. Да, я немало размышлял над этим предметом в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, но в школе мы с Осборном никогда не были особенно близки, и, насколько мне помнилось, я лишь раз заговорил с ним на подобную тему.

Это случилось туманным осенним утром. Мы сидели вдвоем на низкой каменной стене, окружавшей сельскую гостиницу. Кажется, мы учились тогда в пятом классе и ожидали, когда из тумана на противоположной стороне поля появятся бегуны. Мы должны были указать им дальнейшее направление кросса – вдоль раскисшей грунтовой дороги. До предполагаемого появления участников забега еще оставалось время, и мы непринужденно болтали. Уверен, именно тогда я и спросил Осборна о его «связях». Осборн, бывший, несмотря на бурный темперамент, человеком по натуре скромным, попытался уклониться от вопроса, но я не отставал от него, пока он в конце концов не сказал:

– Да выкинь ты это из головы, Бэнкс! Все это ерунда, не о чем тут думать. Просто я кое с кем знаком. У меня есть родители, дядюшки, друзья семьи. Не понимаю, что в этом необычного. – Но, сообразив вдруг, что сказал что-то не то, он осекся и, повернувшись, тро-

нул меня за руку. – Прости, старина, мне чертовски неловко, это было ужасно бестактно с моей стороны.

Похоже, наш разговор смутил Осборна гораздо больше, чем меня. Не исключено, что, приглашая меня на вечеринку в клуб «Чарингуорт», он хотел в некотором роде загладить вину. Впрочем, как я уже сказал, в то туманное утро я был уязвлен не его, надо признать, и впрямь необдуманной высказыванием, а тем фактом, что мои школьные приятели, всегда готовые подшучивать над чем угодно, впадали в торжественную серьезность при любом упоминании о том, что у меня нет родителей. Однако, как бы странно это ни казалось, отсутствие родителей – а в сущности, и вообще какой бы то ни было родни, если не считать тетушки из Шропшира, – к тому времени давно перестало меня огорчать. Как я неоднократно указывал своим приятелям, в учебном заведении, подобном нашему, мы все научились обходиться без родителей и мое положение не было особенным. Тем не менее теперь, оглядываясь назад, я нахожу вполне вероятным, что отчасти мой интерес к «связям» Осборна объяснялся именно полным отсутствием у меня самого каких бы то ни было связей в мире за пределами школы Святого Дунстана. Я полностью отдавал себе отчет, что когда-нибудь мне придется самому налаживать такие связи и самостоятельно прокладывать жизненный путь. И мне казалось, что от Осборна я смогу узнать нечто чрезвычайно важное о том, как это делается.

Однако, упомянув о том, что меня немного покоробили последние слова Джеймса, я имел в виду вовсе не то, что он вспомнил, как я «допрашивал» его много лет назад. Скорее, дело было в его небрежно оброненном замечании, будто я был в школе «таким чудным».

Признаться, я так и не смог понять, почему Осборн это сказал. Как подсказывала мне память, я прекрасно вписывался в рутинную школьную жизнь. Даже в первые недели пребывания в школе Святого Дунстана я, кажется, не допустил ни единой оплошности, которая могла бы поставить меня в неловкое положение. С самого первого дня я внимательно изучал манеры учеников: как они стоят, как разговаривают, как засовывают правую руку в жилетный карман, как подергивают левым плечом, словно желая подчеркнуть отдельные высказывания. Отчетливо помню, как начал подражать им, стараясь, чтобы никто из мальчиков не увидел ничего странного в моем поведении и не начал подшучивать надо мной.

С такой же охотой я быстро усвоил и другие жесты, обороты речи и словечки, популярные среди моих одноклассников, а равно и более существенные правила этикета, установившиеся в моем окружении. Разумеется, я весьма быстро сообразил, что не стоит – как я обычно делал в Шанхае – открыто излагать свои взгляды на способы расследования мелких преступлений. Более того, когда на третий год моего пребывания в школе там произошла серия краж и все поголовно играли в сыщиков, я тщательно следил за тем, чтобы мое участие не выходило за рамки игры. И несомненно, эхом тех моих привычек следовало объяснить нежелание раскрывать свои планы Осборну в то утро, когда он навестил меня.

Однако могу припомнить минимум два случая из школьной жизни, свидетельствующие о том, что, несмотря на всю осторожность, я, должно быть, как-то ослабил бдительность и невольно выдал свои честолюбивые мечты. Даже в то давнее время я был не в состоянии объяснить эти эпизоды.

Первый из них произошел во время празднования моего четырнадцатилетия. Тогдашние мои лучшие друзья Роберт Торнтон-Браун и Рассел Стэнтон пригласили меня в сельскую чайную, где мы обычно лакомились пшеничными булочками и пирожными с кремом. День был дождливый, субботний, и все остальные столики оказались занятыми. Каждые несколько минут в чайную входили новые промокшие до нитки посетители, которые недовольно смотрели в нашу сторону, словно давая понять, что нам следует немедленно освободить для них место. Однако хозяйка чайной, миссис Джордан, всегда, а не только в тот мой день рождения гостеприимно привечала нас, так что мы чувствовали себя в полном праве

занимать лучший столик в нише у окна с видом на площадь. Я не слишком хорошо помню, о чем мы говорили, но, когда наелись до отвала, мои приятели обменялись взглядами и Торнтон-Браун, достав из ранца, протянул мне подарок в яркой упаковке.

Начав разворачивать бумагу, я быстро понял, что подарок был обернут множеством слоев, и приятели мои взрывались радостным смехом каждый раз, когда я снимал очередной лист бумаги, чтобы обнаружить под ним следующий. Все шло к тому, что в конце концов я найду внутри что-нибудь смешное. На самом деле под многочисленными обертками оказался твердый кожаный футляр. Расстегнув крохотный замочек и подняв крышку, я увидел увеличительное стекло.

Вот оно передо мной. За прошедшие годы его вид претерпел некоторые изменения, хотя лупа уже тогда производила впечатление довольно старой. Помню, я сразу отметил это, так же как и то, что она обладала большой разрешающей способностью, была на удивление тяжелой и ее рукоятка из слоновой кости треснула с одной стороны. Что я заметил не сразу – для этого понадобилось другое увеличительное стекло, – так это выгравированную на рукоятке надпись, свидетельствующую о том, что лупа изготовлена в Цюрихе в 1887 году.

Первой реакцией на подобный подарок стало неудержимое возбуждение. Я схватил лупу, сдвинув в сторону устилавшую весь стол яркую бумагу – подозреваю, часть листов в порыве энтузиазма я даже сбросил на пол, – и немедленно приступил к разглядыванию крохотных масляных пятнышек на скатерти. Занятие это настолько увлекло меня, что я почти не слышал, как мои друзья громко смеялись. Они были довольны, что их шутка удалась. К тому времени, когда я, придя наконец в себя, поднял голову, они оба неловко молчали. И именно тогда Торнтон-Браун, издав робкий смешок, сказал:

– Мы подумали: раз ты собираешься стать сыщиком, тебе это пригодится.

В тот момент я быстро овладел собой и сделал вид, будто все это лишь забавный розыгрыш. Но полагаю, мои друзья и сами уже были смущены своей шуткой, так что в оставшееся время, проведенное в чайной, нам так и не удалось возобновить непринужденное веселье.

Как я уже сказал, лупа сейчас лежит передо мной. Она пригодилась мне при расследовании дела Мэннеринга, я пользовался ею и совсем недавно, работая над делом Тренора Ричардсона. Возможно, увеличительное стекло и не самый важный атрибут снаряжения сыщика, как принято считать, но оно остается весьма полезным инструментом для сбора определенного рода улики, и надеюсь, что подарок Роберта Торнтон-Брауна и Рассела Стэнтона не раз еще послужит мне. Глядя на него сейчас, я думаю: если одноклассники намеревались тогда подразнить меня, то теперь шутка в значительной мере обернулась против них самих. Печально, но у меня нет возможности выяснить, что они имели в виду и как, несмотря на все мои предосторожности, им удалось разгадать мой тайный честолюбивый замысел. Стэнтон, приписавший себе в документах несколько лет, чтобы его приняли в армию добровольцем, был убит в третьем сражении при Ипре. Торнтон-Браун, по слухам, умер от туберкулеза два года назад. Так или иначе, но оба мальчика покинули школу Святого Дунстана в пятом классе, и к тому времени, когда я узнал об их смерти, между нами давно уже не было никакой связи. И все же я хорошо помню, как расстроился, узнав, что Торнтон-Браун уходит из школы, – он был единственным настоящим другом, которого я приобрел после приезда в Англию, и я скучал по нему до самого окончания школы.

Второй из двух эпизодов, которые приходят на ум, произошел через несколько лет после того дня. Я был тогда в шестом классе, но многие детали стерлись из памяти. В сущности, я совсем забыл, что было до и после него. Помню лишь, как вошел в класс – в кабинет номер пятнадцать старого монастырского здания, – куда сквозь окна крытой аркады солнечный свет проникал полосками, в которых кружились пылинки. Учителя еще не было, но я, должно быть, чуть-чуть опоздал, потому что все мои одноклассники, собравшись группами, уже сидели – кто на партах, кто на скамьях, кто на подоконниках. Я собрался было присо-

единиться к одной из таких групп из пяти или шести мальчишек, когда вдруг все они, обернувшись словно по команде, уставились на меня, и я понял, что говорили обо мне. Не успел я произнести ни слова, как один из мальчиков, Роджер Brentхерст, указав на меня пальцем, сказал:

– Только он, конечно, ростом не вышел для Шерлока.

Кто-то засмеялся – не скажу, чтобы недоброжелательно, – вот и все. Я никогда больше не слышал разговоров, касающихся моего стремления стать «Шерлоком», но догадывался, что тайна моя выплыла наружу и стала предметом обсуждения у меня за спиной.

Необходимость хранить в секрете намерения, касающиеся будущей профессии, я осознал задолго до приезда в школу Святого Дунстана. Попав в Англию, несколько недель я в основном занимался тем, что бродил в мокрых зарослях папоротника на выгоне вблизи дома тети в Шропшире и по ролям разыгрывал пьески, которые мы с Акирой придумывали вместе в Шанхае. Разумеется, теперь, оставшись один, я был вынужден исполнять и все его роли; более того, отдавая себе отчет в том, что меня могут увидеть из дома, я благоразумно ограничивал свою жестикуляцию и текст бормотал тихо, себе под нос, – прямо противоположно той раскованной манере, в которой привык прежде играть с Акирой.

Подобная предосторожность с моей стороны, однако, была истолкована неверно. Однажды утром, сидя в маленькой мансарде, где меня поселили, я услышал, как тетка разговаривает в гостиной с кем-то из друзей. Мое любопытство возбудило то, что взрослые внезапно понизили голоса, и уже в следующий миг я оказался на лестничной площадке, где, скрючившись и свесившись через перила, услышал, как тетя рассказывала:

– Он бродит один часами. Едва ли мальчику его возраста полезно для здоровья вот так погружаться в свой внутренний мир. Ему нужно привыкать думать о будущем.

– Но его поведение естественно, – отвечал ей кто-то. – После всего, что с ним произошло...

– Однако самокопание ничего ему не даст, – возражала тетя. – Он хорошо обеспечен, в этом смысле ему, можно сказать, повезло. Пора браться за ум. Я хочу сказать, что настало время кончать со всем этим самоанализом.

С того самого дня я прекратил ходить на выгон и принял меры, чтобы больше никто не заподозрил меня в занятиях «самоанализом». Но я был еще довольно мал и по ночам, лежа в своей мансарде, прислушиваясь к скрипу половиц под ногами тетушки, которая, бродя по дому, заводила часы и навещала своих кошек, часто снова начинал мысленно проигрывать наши старые детективные пьесы так, как, бывало, делали мы с Акирой.

Однако вернусь к тому летнему дню, когда Осборн забрел в мою кенсингтонскую квартиру. Не хочу сказать, что его замечание о том, будто в школе я был «таким чудным», занимало меня долго. На самом деле я в прекрасном расположении духа вышел из дома вскоре после ухода Осборна и спустя некоторое время оказался в Сент-Джеймском парке, где, бродя меж цветочных клумб, со все возрастающим волнением предвкушал предстоящую вечеринку.

Мысленно возвращаясь к тому дню, я поражаюсь, что не испытывал никакой нервозности, хотя имел на то все основания, но глупая самонадеянность вообще была свойственна мне в те первые недели лондонской жизни. Безусловно, я отдавал себе отчет в том, что предстоящая вечеринка по своему уровню будет отличаться от всех тех, на которых мне довелось побывать в университетские годы. Более того, я понимал, что там могу столкнуться с неизвестными мне условностями и правилами. Но я не сомневался: привычная осмотрительность позволит мне избежать неприятностей и я не попаду в неловкое положение. Пока я бродил по парку, заботило меня совсем иное. Когда Осборн намекнул, что там будут «люди со связями», я мгновенно подумал о том, что среди них наверняка может оказаться кто-нибудь из известных сыщиков. И большую часть времени потратил на то, что бы такое придумать и

сказать, чтобы меня представили Мэтлоку Стивенсону или самому профессору Чарлевиллу. Я снова и снова прокручивал в уме, как скромно, но с безупречным достоинством раскрываю перед ними свои устремления и как один из них проявляет ко мне отеческий интерес, дает всевозможные советы и настойчиво предлагает свое покровительство.

Разумеется, вечер обернулся сплошным разочарованием, несмотря на то что в другом отношении, как вскоре стало ясно, он оказался весьма знаменательным. О чем я совершенно не догадывался вначале, так это о том, что английские сыщики не склонны участвовать в вечеринках. И дело не в недостатке приглашений, мой собственный опыт свидетельствует, что в высших кругах всегда проявляют интерес к знаменитым детективам. Дело в том, что люди эти почти всегда бывают личностями чрезвычайно серьезными, порой склонными к затворничеству, они полностью посвящают себя работе и не расположены встречаться даже друг с другом, не говоря уж об «обществе» в более широком смысле слова.

Как уже сказал, это было мне неизвестно, когда в тот вечер я прибыл в клуб «Чарингуорт» и, следуя примеру Осборна, бодро поприветствовал стоявшего у входа величественного швейцара. Но стоило оказаться в переполненной гостями зале на втором этаже, как я утратил всякие иллюзии. Не берусь объяснить, каким образом это случилось, – поскольку не успел еще узнать, кто есть кто в этом собрании, – но интуиция сразу же подсказала: приподнятое настроение, владевшее мной в предвкушении вечера, было глупым. Я вдруг осознал, насколько наивным было ожидание увидеть Мэтлока Стивенсона или профессора Чарлевилла, болтающими с окружавшими меня, как я понял, финансистами и правительственными чиновниками. Я был настолько ошеломлен несоответствием между действием, на которое попал, и тем, которое представлял себе весь день, что утратил, во всяком случае на какое-то время, самообладание и примерно полчаса, к собственному раздражению, не мог решиться отойти от Осборна.

Вспоминая тот вечер теперь, я уверен, что именно из-за возникшего смятения чувств многое представлялось мне тогда неестественным. Например, когда я пытаюсь восстановить в памяти общий вид зала, мне кажется, что там было необычно темно, несмотря на обилие настенных светильников, свечей на столах и люстр над головами – все эти огни, как мне представлялось, не рассеивали мрака. Ковер был настолько толстым, что для того, чтобы двигаться по залу, приходилось буквально выдирать из него ноги. Сидящие мужчины в черных смокингах именно этим и занимались, порой они даже вынуждены были наклоняться вперед и слегка сутулиться, словно шли против ветра. Официантам с серебряными подносами в руках тоже приходилось сгибаться под самыми причудливыми углами. Женщин среди гостей почти не было, а те, что все же попадали в поле зрения, казалось, нарочито держались в тени и почти моментально исчезали из виду, растворяясь за стеной черных смокингов.

Как я уже сказал, впечатление это было, скорее всего, ошибочно, но именно таким этот вечер остался в моей памяти. Помню, как я стоял, скованный неловкостью, постоянно потягивая из стакана, который держал в руке, пока Осборн по-дружески болтал с тем или иным приглашенным, причем каждому из них было по крайней мере лет на тридцать больше, чем мне. Раз-другой я попытался вступить в беседу, но голос мой звучал предательски высоко, почти по-детски, да и большинство разговоров касалось людей и предметов, о которых я не имел ни малейшего представления.

Спустя какое-то время я рассердился – на себя, на Осборна, на все происходившее вокруг. Я почувствовал себя вправе презирать этих людей, потому что по большей части они были алчными и корыстными, лишенными какого бы то ни было идеализма и чувства общественного долга. Охваченный гневом, я нашел наконец в себе силы отойти от Осборна и, пробившись сквозь мрак, переместиться в другой конец зала.

Я очутился в углу, тускло освещенном настенным бра. Здесь толпа была не такой густой, и я заметил седовласого мужчину лет, наверное, семидесяти, который курил, стоя

спиной к залу. Я не сразу сообразил, что он смотрит в зеркало, и мужчина успел заметить, как я наблюдаю за ним. Я был готов ретироваться, когда он, не оборачиваясь, спросил:

– Веселитесь?

– О да, – ответил я, усмехнувшись. – Благодарю вас. Да, это великолепная возможность повеселиться.

– Но почувствуете себя чуть-чуть потерянным, ведь так?

Поколебавшись, я снова усмехнулся:

– Ну, пожалуй, немного. Да, сэр.

Седовласый джентльмен повернулся и, внимательно осмотрев меня, сказал:

– Хотите, я расскажу вам, кто здесь кто? А потом, если окажется, что с кем-то из этих людей вам захочется поговорить, я вас представлю. Ну, что вы думаете?

– Это было бы очень любезно с вашей стороны.

– Отлично.

Он подошел поближе и окинул взглядом часть зала, просматривавшуюся оттуда, где мы находились. Потом наклонился ко мне и стал указывать на попадавших в поле зрения гостей. Даже если имя было известным, он не забывал добавить несколько пояснительных слов – «финансист», «композитор» и так далее. О карьере менее популярных лиц говорил подробнее и сообщал, чем они знамениты. Кажется, он как раз рассказывал мне о священнике, стоявшем неподалеку, когда, внезапно прервав фразу, заметил:

– Ага! Вы, кажется, отвлеклись.

– Мне очень неловко...

– Ничего неловкого здесь нет. Это совершенно естественно для такого молодого человека, как вы.

– Уверю вас, сэр...

– Не надо извиняться. – Он хохотнул и подтолкнул меня в бок. – Находите ее привлекательной, а?

Я не знал, как ответить, бессмысленно было отрицать, что мое внимание действительно привлекла стоявшая в отдалении молодая женщина, беседовавшая с двумя мужчинами средних лет. Но когда я заметил ее, она вовсе не показалась мне хорошенькой. Вероятно даже, что по каким-то неуловимым признакам я при первом взгляде на нее угадал качества, которые, как оказалось впоследствии, действительно были ей присущи. Я увидел маленькую, эльфоподобную молодую женщину с темными волосами до плеч. Даже при том, что она явно старалась очаровать мужчин, с которыми разговаривала, было в ее улыбке нечто, способное мгновенно обернуться насмешкой. Слегка сведенные, как у хищной птицы, плечи придавали ей вид человека, склонного к интригам. Но более всего привлекало внимание выражение глаз: в них сквозила какая-то решительная жесточенность, – именно это, как я теперь понимаю, и заворожило меня в тот вечер.

Мы оба продолжали еще смотреть на нее, когда она обратила взгляд в нашу сторону и, узнав моего собеседника, одарила его мимолетной холодной улыбкой. Седовласый мужчина приветственно помахал рукой и почтительно кивнул.

– Очаровательная молодая дама, – пробормотал он, отводя меня в сторону. – Но такому парню, как вы, не стоит терять времени, пытаясь завоевать ее благосклонность. Я вовсе не хочу вас обидеть, вы кажетесь очень порядочным юношей, но, видите ли, это мисс Хеммингз. Мисс Сара Хеммингз.

Имя ничего не говорило мне. Но если прежде мой покровитель с готовностью сообщал детали биографий тех, на кого указывал, то теперь лишь произнес имя женщины, поскольку, видимо, был уверен, что оно мне знакомо. Мне ничего не оставалось, кроме как, кивнув, сказать:

– Да, конечно. Значит, это и есть мисс Хеммингз?

Джентльмен остановился и обозрел зал с новой позиции.

– Так, дайте подумать. Полагаю, вы ищете кого-нибудь, кто мог бы подставить вам плечо в этой жизни. Правильно? Не беспокойтесь. В молодости я сам играл в эту игру. Итак, давайте посмотрим. Кого мы здесь имеем? – Повернувшись ко мне, он вдруг попросил: – Напомните-ка, кем, вы говорили, собираетесь стать?

Разумеется, к тому моменту я еще не сказал ему ничего подобного. Но после недолгих колебаний просто ответил:

– Сыщиком, сэр.

– Сыщиком? Гм-м... – Он продолжал обводить взглядом зал. – Вы имеете в виду... полицейским?

– Скорее, частным консультантом.

Он кивнул.

– Естественно, естественно. – Он задумчиво затянулся сигарой, потом спросил: – А музеями, случайно, не интересуетесь? Вон там стоит парень, я с ним знаком много лет. Кости, черепа, реликты и так далее. Не интересует? Нет, вижу, что нет. – Мой собеседник некоторое время продолжал осматривать зал, иногда вытягивая шею, чтобы никого не пропустить, и наконец произнес: – Конечно, множество молодых людей мечтают работать детективами. Должен признаться, я и сам когда-то об этом грезил. В ваши годы юноши бывают такими идеалистами! Мечтают стать самыми прославленными детективами своего времени, разом искоренить все зло мира. Похвально. Но в реальности, мой мальчик, позвольте заметить, неплохо иметь несколько запасных стрел для вашего лука. Потому что через год-другой – я вовсе не хотел бы вас обидеть, – но очень скоро вы начнете воспринимать окружающее по-иному. Вас не интересует мебель? Спрашиваю потому, что вон там стоит не кто иной, как Хэмиш Робертсон.

– При всем моем уважении, сэр, мечта, в которой я только что вам признался, едва ли является для меня юношеским капризом. Это призвание, которому я готов посвятить всю жизнь.

– Всю жизнь? Но сколько вам лет: двадцать один, двадцать два? Впрочем, не стану вас обескураживать. В конце концов, если молодые люди не будут стремиться к благородной цели, то кто же тогда? И вы, мой мальчик, несомненно, уверены, что нынешний мир куда более порочен, чем был тридцать лет назад, не правда ли? Цивилизация на грани гибели?

– Должен признаться, сэр, – не без вызова ответил я, – что действительно так думаю.

– Помню, и я так думал. – Его сарказм внезапно сменился искренней добротой, и мне даже показалось, что в глазах у него заблестели слезы. – В чем же дело, как вы считаете? Неужели мир действительно все глубже погрязает в пороках? Неужели «человек разумный» и впрямь вырождается как вид?

– Этого я не знаю, сэр, – на сей раз более мирно ответил я. – Единственное, что могу сказать: на непредвзятый взгляд современный преступник становится все более умным, уверенным, дерзким, а наука предоставляет в его распоряжение все более изощренный арсенал средств.

– Понимаю. И, не имея на своей стороне способных парней вроде вас, вы полагаете, что будущее выглядит сомнительно? – Он печально покачал головой. – В этом, наверное, есть резон. Легко насмеяться такому старику, как я. Возможно, вы и правы, мой мальчик. Возможно, мы позволили всему этому слишком далеко зайти. Ох!

Мой седовласый собеседник снова кивнул проходившей мимо Саре Хеммингз. Она пробиралась сквозь толпу с надменной грацией, поводя глазами слева направо в поисках – так мне показалось – кого-нибудь, кто, по ее представлениям, был достоин ее общества. Заметив джентльмена рядом со мной, она послала ему такую же, как прежде, холодную улыбку, но не остановилась. На какую-то долю секунды ее взгляд задержался на мне, но тут

же – не успел я улыбнуться в ответ – она отвела глаза, выкинув меня из головы, и продолжила путь, направляясь к кому-то в другом конце зала.

Тем же вечером, позднее, когда мы с Осборном сидели в такси, уносившем нас назад, в Кенсингтон, я попытался разузнать что-либо о Саре Хеммингз. Осборн, хоть и притворялся, что на вечере нестерпимо скучал, был чрезвычайно доволен собой и охотно, в подробностях, пересказывал мне беседы, которые вел с разными влиятельными особами. Нелегко было переключить его на Сару Хеммингз, не показавшись при этом неуместно любопытным. Однако в конце концов я заставил его заговорить о ней.

– Мисс Хеммингз? Ах да. Она была помолвлена с Хэрриот-Льюисом. Ну знаешь, он дирижер. Потом он поехал дирижировать оркестром, исполнявшим концерт Шуберта в Альберт-Холле прошлой осенью. Помнишь тот провал?

Я вынужден был признаться в своем невежестве, и Осборн объяснил:

– Публика, правда, не бросалась тогда стульями, но только потому, что они были пригнаны к полу. Парень из «Таймс» назвал тот концерт «какой-то пародией». Или он даже предпочел слово «надругательство»? Так или иначе, сам дирижер не слишком огорчился.

– А мисс Хеммингз?

– Разорвала помолвку. Судя по всему, она бросила ему в лицо обручальное кольцо и с тех пор на пушечный выстрел к нему не подходит.

– Неужели все из-за этого концерта?

– Ну, вообще-то все это действительно было весьма неприятно. И породило всякие разговоры. Я имею в виду расторжение помолвки. Ох, Бэнкс, что за унылое сборище стариков было сегодня! Как ты думаешь, когда достигнем их возраста, мы станем такими же?

В течение первого года по окончании Кембриджа, главным образом благодаря дружбе с Осборном, я стал едва ли не завсегдатаем подобных приемов. Обращаясь мыслями к тому периоду своей жизни, я нахожу его на удивление легкомысленным. В домах в районе Блумсбери и Холборна постоянно устраивались званые ужины, обеды и коктейли. Я был решительно настроен избавиться от неловкости, которую позорно продемонстрировал на вечере в клубе «Чарингуорт», и манеры мои раз от разу становились все более уверенными. Можно сказать, что со временем в фешенебельных лондонских кругах я занял определенное место.

Мисс Хеммингз не входила в мое окружение, но я заметил: стоило лишь упомянуть ее имя, как оказывалось, что все мои друзья с ней знакомы. Более того, время от времени я видел ее на разного рода торжествах, а чаще в чайных залах роскошных отелей. Кончилось же все тем, что я начал собирать любые крохи информации о положении этой женщины в лондонском свете.

Как забавно вспоминать, что было время, когда все, что я о ней знал, сводилось к недостоверным сведениям, полученным из вторых рук! Много времени не понадобилось, чтобы выяснить: большинство моих приятелей относились к ней с неодобрением. Еще до расторжения помолвки с Энтони Хэрриот-Льюисом она, судя по всему, нажила себе немало врагов по причине своей, как это называли, прямолинейности. Друзья Хэрриот-Льюиса – а их объективность, сказать по правде, едва ли заслуживала безоговорочного доверия – описывали, как немилосердно она преследовала дирижера. Другие обвиняли ее в том, что она манипулировала его друзьями, желая приблизиться к нему. Последующий разрыв с дирижером, учитывая невероятные усилия, затраченные на то, чтобы завоевать его, одним озадачивал, другим казался явным свидетельством ее неприкрытого цинизма.

С другой стороны, я встречал людей, которые отзывались о мисс Хеммингз неплохо, говорили, что она умна, обворожительна, что у нее сложная натура. В частности, некоторые женщины защищали ее право расторгнуть помолвку, каковы бы ни были причины сделать

это. Однако даже ее защитники сходились на том, что она страдала «чудовищным снобизмом» и напрочь отказывала человеку в уважении, если тот не обладал громким именем.

Я же, наблюдая за ней в тот год издали, почти не находил подтверждения подобным обвинениям. Иногда у меня складывалось ощущение, будто мисс Хеммингз просто не в состоянии дышать иным воздухом, нежели тот, что окружает выдающихся личностей. Какое-то время она была связана с Генри Куинном, адвокатом, но отдалилась от него после провала дела Чарльза Браунинга. Потом пошли слухи о ее крепнущей дружбе с министром Джеймсом Биконом, считавшимся в то время весьма многообещающим правительственным чиновником. К тому времени мне стал абсолютно ясен смысл слов седовласого джентльмена, говорившего, что «такому парню, как я», бессмысленно терять время, пытаюсь завоевать внимание мисс Хеммингз. Поначалу я, разумеется, не понял его слов, а позднее, когда понял, обнаружил, что с особым интересом слежу за мисс Хеммингз. Однако, несмотря на это, мы впервые заговорили с ней только через два года после первой встречи в клубе «Чарингуорт».

Приятеля, с которым я пил чай в отеле «Уолдорф», внезапно вызвали по какому-то неотложному делу, и я, оставшись один на один с булочками с джемом, заметил мисс Хеммингз, сидевшую также в одиночестве за одним из столиков на балконе. Как я уже сказал, то был отнюдь не первый раз, когда я встречал ее в подобных местах, но к тому дню ситуация изменилась, поскольку не прошло и месяца после окончания дела Мэннеринга и я все еще парил в облаках. В дни, последовавшие за моим первым триумфом, я был опьянен успехом: передо мной вдруг открылось множество дверей, совершенно неожиданные приглашения сыпались на меня, как из рога изобилия, люди, которые прежде выказывали лишь вежливую любезность, теперь при моем появлении не могли удержаться от восторженных восклицаний. Неудивительно, что у меня слегка закружилась голова.

В тот день в «Уолдорфе» я неожиданно для самого себя вдруг оказался на лестнице, ведущей на балкон. Сам не знаю, чего я ожидал. Просто для моего тогдашнего состояния подобная самонадеянность была в порядке вещей – я даже не задумался, обрадуется ли мисс Хеммингз знакомству со мной. Быть может, слабая тень сомнения промелькнула у меня в голове, лишь когда я, миновав пианиста, приблизился к столику, где она сидела, читая книгу. Однако, помнится, я остался весьма доволен тем, как светски прозвучал мой голос, когда обратился к ней:

– Простите, но я подумал, что пора мне представиться вам. У нас столько общих друзей. Я Кристофер Бэнкс.

Имя свое я произнес весьма эффектно, но моя уверенность начала исчезать, поскольку мисс Хеммингз смотрела на меня с холодным удивлением. Выдерживая паузу, она с немым упреком и раздражением бросила быстрый взгляд на книгу, которую читала, и произнесла наконец в полном недоумении:

– Вот как? Что ж, здравствуйте.

– Дело Мэннеринга, – как полный глупец пояснил я. – Вероятно, вы о нем читали.

– Да. Вы были следователем?

Сухой тон, которым это было произнесено, напрочь выбил меня из колеи. В нем не было и намека на восхищение – лишь констатация факта, что она с самого начала знала, кто я, и по-прежнему не понимала, почему я оказался возле ее столика. Я внезапно почувствовал, как исчезает эйфория, владевшая мной последние недели, и именно в тот момент, нервно рассмеявшись, осознал, что дело Мэннеринга, при всем его блеске и несмотря на все похвалы, расточавшиеся мне за отлично проведенное расследование друзьями, многим отнюдь не кажется таким важным событием, каким представлял его я.

Не помню уж, но вполне вероятно, что мы обменялись общепринятыми светскими любезностями, прежде чем я начал позорный отход к своему столику внизу. С позиции сего-

дняшнего дня я вижу, что у мисс Хеммингз были все основания прореагировать на мою выходку подобным образом – глупо было воображать, будто дело Мэннеринга может стать достаточным основанием для того, чтобы произвести на нее впечатление! Но в тот момент я вернулся на место рассерженным и подавленным. Мне пришло в голову, что я не только перед мисс Хеммингз и не только теперь выставил себя ослом, но точно так же я выглядел весь предыдущий месяц и в глазах других людей и мои друзья, невзирая на весь их энтузиазм, тайно посмеивались надо мной.

К следующему дню я был уже совершенно уверен, что полностью заслужил щелчок по носу, который получил. Но эпизод в отеле «Уолдорф», вероятно, все же вызвал у меня по отношению к мисс Хеммингз определенную неприязнь, от которой я так никогда и не смог избавиться и которая, безусловно, оказала влияние на достойное сожаления событие вчерашнего вечера. Однако в тот момент я был склонен воспринять случившееся как предостережение. Оно помогло мне понять, сколь просто сбиться с пути, ведущего к заветной цели. Моей задачей было бороться со злом – особенно с вероломным, скрытым злом, – а это не имело ничего общего с шумной популярностью в светских кругах.

С тех пор я стал меньше участвовать в светской жизни и еще глубже погрузился в работу. Я изучал получившие известность дела, осваивал новые области знаний, которые могли когда-нибудь пригодиться. Приблизительно в то же время я начал тщательно исследовать биографии знаменитых сыщиков, прославивших свои имена, и обнаружил, что можно провести строгий водораздел между теми, репутации которых покоились на весомых реальных достижениях, и теми, кто изначально получил импульс к продвижению благодаря высокому положению в обществе. Я понял, что для сыщика существует один истинный и другой – ложный путь сделать себе имя. Короче говоря, как бы ни тешили мое самолюбие бесконечные предложения дружбы, которые я получал после раскрытия дела Мэннеринга, случай в отеле «Уолдорф» заставил меня снова вспомнить о своих родителях, и я твердо решил: никакие легкомысленные занятия не отвлекут меня от дела.

Глава 2

Раз уж я рассказываю сейчас о том периоде своей жизни, последовавшем за раскрытием дела Мэннеринга, нелишним будет вспомнить и о довольно неожиданном возобновлении знакомства с полковником Чемберленом. Возможно, кому-то покажется удивительным, принимая во внимание роль, которую он сыграл в решающий момент моего детства, что долгие годы мы не поддерживали с ним близких отношений. Но по неведомым причинам связь наша прервалась, и встретились мы с ним снова месяца два спустя после происшествия с мисс Хеммингз в отеле «Уолдорф» и совершенно случайно.

Как-то пасмурным днем в книжном магазине на Чаринг-Кросс-роуд я рассматривал иллюстрированное издание «Айвенго», чувствуя: кто-то неотступно стоит у меня за спиной. Решив, что закрываю кому-то доступ к полкам, я отошел в сторону. Но поскольку человек продолжал топтаться позади, мне пришлось в конце концов обернуться.

В тот же миг я узнал полковника: он почти не изменился, хотя на теперешний, взрослый, взгляд и показался мне менее суровым и величественным, чем человек, запомнившийся с детства. Человек в макинтоше робко смотрел на меня, пока я не воскликнул:

– О, полковник!

Только тогда он улыбнулся и протянул мне руку: – Как поживаешь, мой мальчик? Я так и знал, что это ты. Боже праведный! Как ты поживаешь?

Глаза его застилала слезы, и чувствовал он себя явно неуверенно, словно боялся, что напоминание о прошлом может расстроить меня. Я постарался всем видом показать, как рад видеть его, и, поскольку на улице разразился ливень, мы продолжили беседу в переполненном магазине. Выяснилось, что полковник по-прежнему живет в Вустере, приехал в Лондон на похороны и решил остаться на несколько дней. На вопрос о том, где он остановился, ответил неопределенно, из чего я заключил, что поселился он в какой-нибудь очень скромной гостинице. Перед расставанием я пригласил его поужинать со мной на следующий день; приглашение он принял с восторгом, хотя показался несколько обескураженным, когда я предложил «Дорчестер». Но я настаивал – «это самое малое, чем я могу отплатить вам за вашу доброту», – и он в конце концов сдался.

Вспоминая об этом теперь, я понимаю, что выбор «Дорчестера» был верхом бестактности с моей стороны, ведь к тому времени я уже сообразил: полковник стеснен в средствах. Мне следовало подумать о том, как унижительно для него будет сознавать, что он не может оплатить свою половину счета. Но в те времена такие мысли не приходили мне в голову, я, скорее всего, был слишком озабочен тем, чтобы произвести впечатление на старика, продемонстрировав ему в полной мере, чего я достиг с тех пор, как он видел меня в последний раз.

Эту последнюю задачу я, судя по всему, успешно выполнил, ибо, хоть прежде мне только дважды довелось побывать в «Дорчестере», метрдотель встретил меня любезным «рады видеть вас снова, сэр». Услышав, как, приступив к супу, я обменялся с метрдотелем несколькими шутками, полковник внезапно разразился смехом.

– Подумать только! – воскликнул он. – И это тот самый постреленок, которому я когда-то утирал соплю на пароходе!

Он посмеялся еще немного, потом внезапно оборвал смех, вероятно испугавшись, что затронул нежелательную тему. Но я ободряюще улыбнулся в ответ и сказал:

– Наверное, я был для вас в том путешествии страшной обузой, полковник.

Лицо старика на миг затуманилось грустью, и он торжественно произнес:

– Учитывая обстоятельства, полагаю, ты вел себя удивительно мужественно, мой мальчик. Удивительно мужественно.

Повисла неловкая пауза, прерванная восторгами, которые мы оба стали расточать по поводу превосходного супа. Дородная дама, увешанная драгоценностями, громко смеялась за соседним столиком, и полковник весьма нескромно смотрел на нее. Потом, словно приняв решение, сказал:

– Знаешь, забавно. Я думал об этом, перед тем как идти сюда. Та наша первая встреча. Интересно, ты ее помнишь, мой мальчик? Наверное, нет. В конце концов, тогда происходило много гораздо более важных событий.

– Напротив, – ответил я, – прекрасно помню.

Я вовсе не лгал. Даже теперь, закрыв глаза, я с легкостью могу перенестись в то солнечное шанхайское утро, в кабинет мистера Гарольда Андерсона, начальника моего отца в крупной торговой компании «Баттерфилд и Суайр». Я сидел в кресле, пахнувшем кожей и полированным дубом. Как правило, такие кресла ставят возле грандиозного письменного стола, но в тот раз оно было выдвинуто на середину комнаты. Я понимал, что обычно они предназначались для самых важных персон, однако в тот день, как дань уважения к моему печальному положению или, возможно, в качестве некоего утешения, оно было отдано мне. Помню, как ни старался, сидя в нем, я не мог найти достойной позы; в частности, мне никак не удавалось держать обе руки на изысканных резных подлокотниках. Более того, в тот день на мне была новая фирменная курточка из какой-то колючей серой ткани – откуда она взялась, понятия не имею, – и я прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько уродливо выгляжу с застегнутыми до подбородка пуговицами.

В кабинете с величественным высоким потолком висела на стене огромная карта, а позади стола мистера Андерсона находились огромные окна, сквозь которые прямо в глаза било солнце и дул ветерок. Кажется, под потолком вращался вентилятор, но точно я не помню. Зато я отчетливо припоминаю, как сидел в этом кресле в центре комнаты и был объектом торжественного сочувствия и обсуждения. Вокруг меня собрались принимавшие участие в совещании взрослые – большинство из них стояли. Время от времени два-три человека отходили к окну и о чем-то спорили приглушенными голосами. Помню, меня удивило, что сам мистер Андерсон – высокий сидящий господин с большими усами – обращался со мной так, словно мы были старыми друзьями. В какой-то момент я даже поверил, что мы были знакомы прежде, просто потом я забыл этого джентльмена. И только позднее я сообразил, что мы никак не могли встречаться с ним до того утра. Тем не менее он взял на себя роль доброго дядюшки, не переставал улыбаться мне, похлопывать по плечу, подталкивать и подмигивать. Он даже предложил мне чашку чаю, сказав при этом: «Выпей, Кристофер, это тебя взбодрит». И, склонившись, наблюдал, как я пью. Все присутствующие еще долго шушукались, и наконец мистер Андерсон, снова встав прямо передо мной, сказал:

– Итак, Кристофер, решено. Вот полковник Чемберлен. Он любезно согласился доставить тебя целым и невредимым в Англию.

Помню, при этих словах в комнате повисла тишина. Мне даже кажется, что взрослые отступили назад и выстроились вдоль стен, словно зрители на каком-то представлении. Мистер Андерсон, одарив меня ободряющей улыбкой, тоже отступил. И тогда я впервые увидел полковника Чемберлена. Он медленно подошел ко мне, наклонившись, заглянул в лицо и протянул руку. Я знал, что должен встать, отвечая на рукопожатие, но он протянул руку так быстро, а я чувствовал себя почти приклеенным к креслу, потому схватил его ладонь, не успев подняться. Помню, он сказал:

– Бедный малыш. Сначала отец. А теперь и мать. Должно быть, ты чувствуешь себя так, словно мир рухнул. Но завтра мы с тобой вдвоем отправимся в Англию. Там тебя ждет твоя тетушка. Так что мужайся. Скоро осколки снова станут единым целым.

Несколько секунд я был не в состоянии что-либо ответить. Когда же дар речи наконец вернулся ко мне, я выдавил:

– Это страшно любезно с вашей стороны, сэр. Я бесконечно благодарен вам за предложение, и, надеюсь, вы не сочтете меня невоспитанным, но, если не возражаете, сэр, думаю, мне не следует прямо сейчас уезжать в Англию. – Поскольку полковник не сразу нашелся с ответом, я продолжил: – Видите ли, сэр, сыщики изо всех сил стараются отыскать моих родителей. Это самые лучшие сыщики в Шанхае. Полагаю, они непременно найдут их, и очень скоро.

Пока я говорил, полковник кивал, потом сказал:

– Не сомневаюсь, что власти делают все возможное.

– Вот видите, сэр, поэтому, хоть я и очень благодарен вам за любезность, думаю, в конце концов мой отъезд в Англию окажется ненужным.

Помню, в этот момент по комнате прокатилась волна шепота. Полковник некоторое время продолжал кивать, словно тщательно взвешивая мои слова.

– Возможно, ты прав, мой мальчик, – ответил он наконец. – Искренне надеюсь, так и будет. Но если это случится, что помешает тебе вернуться сюда вместе со мной? Когда твоих родителей найдут, они пошлют за тобой. Или – кто знает – возможно, они решат сами вернуться в Англию. Ну, что скажешь? Давай завтра все же поедem в Англию. А там посмотрим, что будет.

– Простите, сэр... Видите ли, детективы ищут моих родителей. И это самые лучшие детективы.

Не помню, что именно отвечал мне полковник. Вероятно, просто продолжал кивать. Но в конце концов он низко склонился надо мной и положил руку мне на плечо:

– Послушай, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Для тебя весь мир словно обрушился. Но ты должен быть храбрым. Кроме того, твоя тетушка в Англии ждет тебя, неужели ты забыл? Разве можно в теперешней ситуации так огорчать старую даму?

Спустя годы, в тот вечер, за ужином, поделившись с полковником своими воспоминаниями об этих его последних словах, я думал, он рассмеется. Однако он признался с грустью:

– Мне было так жалко тебя, мой мальчик. Так жалко... – Потом, почувствовав, вероятно, что неверно угадал мое настроение, он усмехнулся и уже веселее добавил: – Помню, как мы с тобой ждали в порту посадки на пароход. Я все повторял: «Послушай, нас ждет веселое путешествие! Мы прекрасно проведем время», – а ты лишь твердил: «Да, сэр. Да, сэр. Да, сэр».

Я позволил ему предаться воспоминаниям о старых знакомых, присутствовавших тогда в кабинете мистера Андерсона. Ни одно из упомянутых имен ничего мне не говорило. Полковник замолчал, и тень набежала на его лицо.

– Что касается самого Андерсона, – сказал он наконец, – я всегда чувствовал себя в его присутствии как-то неловко. Было в нем что-то скользкое. Вообще, если хочешь знать, во всем этом деле было нечто неясное.

Закончив фразу, он взглянул на меня с тревогой и, прежде чем я успел что-либо ответить, снова быстро заговорил, перейдя к теме, несомненно казавшейся ему более безопасной, – о нашем путешествии в Англию. Вскоре он уже снова посмеивался, вспоминая кое-кого из наших спутников, членов команды, забавные эпизоды, которые давно вылетели у меня из головы. Он говорил об этом с нескрываемым удовольствием, и я охотно поддакивал ему, зачастую притворяясь, будто вспоминаю то, о чем он рассказывает, только для того, чтобы порадовать старика. Однако в конце концов этот поток воспоминаний начал немного раздражать меня, потому что постепенно за веселыми анекдотами вырисовывалась картина моего поведения на пароходе, которая мне решительно не нравилась. Он описывал, как я бродил по кораблю, постоянно погруженный в себя, печальный, готовый расплакаться по малейшему поводу. Несомненно, это давало ему возможность представить себя в роли героического попечителя, но возражать ему было бессмысленно, да к тому же и невежливо. Тем не

менее, как я уже заметил, раздражение постепенно нарастало во мне, потому что, насколько помнил я сам – а это путешествие помнилось совершенно отчетливо, – я весьма ловко приспособился к изменившимся условиям.

Отлично припоминаю, что отнюдь не выглядел несчастным и корабельная жизнь, равно как и перспектива разворачивавшегося впереди будущего, приятно бодрила меня. Конечно, порой я скучал по родителям, но убеждал себя, что всегда найдутся другие взрослые, которых я полюблю и которым буду доверять. Среди пассажиров было несколько дам, которые, услышав о том, что со мной стряслось, суетились вокруг меня с сочувственным видом, и, помню, раздражали они меня так же, как полковник своими воспоминаниями в тот вечер в «Дорчестере». Надо сказать, я вовсе не был столь опечален, как думали окружавшие меня взрослые. За все долгое время путешествия был только один случай, когда меня действительно можно было назвать «распустившим нюни постреленком», да и он произошел лишь в первый день пути.

Небо в то утро было затянуто тучами, вода казалась грязной. Я стоял на палубе парохода, глядя на удаляющуюся гавань, на берег реки, усеянный лодками, сходнями, маленькими домиками, темными деревянными пирсами, а за всем этим возвышались величественные здания шанхайской набережной, очертания которых были расплывчатыми и нечеткими.

– Ну как, малыш? – услышал я рядом голос полковника. – Думаешь, когда-нибудь ты сюда вернешься?

– Да, сэр. Надеюсь вернуться.

– Посмотрим. Вероятнее всего, как только ты обоснуешься в Англии, все это скоро забудется. Шанхай – неплохое место, но восьми лет, проведенных здесь, мне вполне хватило. Полагаю, и тебе достаточно того времени, что ты здесь прожил. Еще немного – и ты превратился бы в китайца.

– Да, сэр.

– Послушай, старина, тебе действительно нужно взбодриться. В конце концов, ты ведь едешь в Англию, домой.

Именно его последние слова о том, что я «еду домой», вызвали во мне всплеск эмоций в первый и, уверен, последний раз. Но даже тогда мои слезы означали скорее гнев, чем печаль. Слова полковника были мне крайне неприятны. Я осознал, что отныне буду привязан к чужой земле, где не знал ни души, между тем как в городе, таявшем теперь в дымке, осталось все, что было мне дорого. И прежде всего – мои родители, они были где-то там, за гаванью, за грандиозным контуром набережной. Я вытер глаза, в последний раз посмотрел на берег – не увижу ли там хоть мельком маму, а может, и отца, бегущих вдоль берега, машущих руками и зовущих меня вернуться. Но даже тогда я отдавал себе отчет в том, что это лишь детские фантазии. Понаблюдав, как город, бывший для меня родным, все более удалялся, я повернулся к полковнику, бодро взглянул на него и спросил:

– Скоро мы уже будем в открытом море, не так ли, сэр?

Надеюсь, мне удалось в тот вечер скрыть от полковника свое раздражение. Садясь в такси на Саут-Одли-стрит и прощаясь со мной, он, несомненно, пребывал в прекрасном расположении духа. И лишь через год после той встречи, узнав о его смерти, я почувствовал себя немного виноватым в том, что не был с ним более сердечен тогда, в «Дорчестере». В конце концов, некогда он оказал мне добрую услугу и, судя по всему, что я о нем знал, был вполне порядочным человеком. Но полагаю, из-за той роли, которую он сыграл в моей судьбе, из-за того, что был так тесно связан с роковыми событиями моей жизни, в памяти у меня он навсегда останется фигурой двойственной и противоречивой.

Года три, а то и четыре после происшествия в отеле «Уолдорф» мы с Сарой Хеммингз почти не сталкивались. Помню, что лишь однажды заметил ее на коктейле в Мейфере.

Народу там было полно, но я мало кого знал и решил уйти пораньше. Пробираясь к выходу, я увидел Сару Хеммингз – она разговаривала с человеком, стоявшим прямо у меня на пути. Первым моим побуждением было обойти их, но тогда я был весьма известен в связи с успешным раскрытием убийства Роджера Паркера, и мне пришло в голову проверить, посмеет ли теперь мисс Хеммингз вести себя со мной так же надменно, как тогда, в отеле «Уолдорф». Поэтому я продолжил свой путь так, чтобы оказаться непосредственно перед ней. Проходя мимо, я заметил, как ее взгляд остановился на моем лице и в нем появилось напряжение: она мучительно старалась вспомнить, кто я такой. Потом я увидел, что она меня узнала, но, не улыбнувшись и не кивнув, снова перевела взгляд на своего собеседника.

Я не придал этому эпизоду особого значения, поскольку был очень занят сразу несколькими сложными делами. И хотя это произошло не менее чем за год до того, как мое имя приобрело ту известность, какую оно имеет теперь, я уже тогда начал осознавать меру ответственности, падающую на любого сколько-нибудь успешного детектива. Разумеется, я всегда понимал, что искоренение зла в его самых изощренных проявлениях, зла, зачастую почти ускользающего от возмездия, – дело чрезвычайно важное и очень серьезное. Но только после расследования убийства Роджера Паркера мне стало по-настоящему ясно, как много значит для людей – причем не только для тех, кто имеет к делу непосредственное отношение, а для большинства людей вообще – возможность избавить общество от наступающего на него порока. И тогда мной еще больше овладела решимость не тратить времени и сил на суетные предубеждения лондонской светской жизни.

Вероятно, именно тогда я стал понимать, почему мои родители смогли занять то положение, которое они занимали. В любом случае люди, подобные Саре Хеммингз, в то время мало меня занимали, и, вполне вероятно, я забыл бы о ее существовании, если бы однажды не встретился в Кенсингтонском парке с Джозефом Тернером.

В то время я расследовал одно дело в Норфолке и вернулся на несколько дней в Лондон, чтобы спокойно подумать над своими многочисленными записями. Однажды серым пасмурным утром, бродя по аллеям парка и обдумывая кое-какие странные подробности исчезновения жертвы, я заметил, как некий человек издал мажет мне рукой, и сразу же узнал Тернера – с ним я был шапочно знаком по светским раутам. Он поспешил мне навстречу и, поинтересовавшись, почему меня в последнее время совсем не видно, пригласил на ужин, который они с другом давали в тот вечер в ресторане. На мой вежливый отказ под предлогом, что новое дело поглощает все мое время, он ответил:

– Жаль. Там должна быть Сара Хеммингз, а она мечтает с вами поболтать.

– Мисс Хеммингз?

– Да, вы ведь помните ее? Она-то вас точно помнит, говорила, будто вы познакомились несколько лет назад, и сокрушалась по поводу того, что вас так трудно теперь встретить.

Поддав желание сделать саркастическое замечание в этой связи, я ответил:

– Ну что ж, передайте ей мои самые добрые пожелания.

После этого я поспешно распрощался с Тернером, но, признаюсь, вернувшись к письменному столу, был несколько рассеян: рассказ о том, что мисс Хеммингз ищет встречи со мной, меня удивил. В конце концов я решил, что Тернер что-то напутал или, во всяком случае, сильно преувеличил, желая завлечь меня на свой ужин. Но в течение нескольких месяцев мне не раз передавали, будто Сара Хеммингз выражала сожаление по поводу того, что, несмотря на нашу с ней давнюю дружбу, я стал для нее почти недосыгаем. Более того, из разных источников до меня доходили слухи, будто она грозит «выкурить меня из норы». И наконец на прошлой неделе, когда я расследовал дело Стадли-Грейндж в местечке Шектон, в Оксфордшире, мисс Хеммингз объявилась собственной персоной с явным намерением привести угрозу в исполнение.

Тело Чарльза Эмери было найдено у пруда в низине за усадьбой, в огороженном каменной стеной саду. Я спустился по четырем каменным ступенькам на лужайку, настолько надежно защищенную от солнца, что даже в ясное утро тут все тонуло в густой тени. Стены были сплошь увиты плющом, и создавалось странное впечатление, будто находишься в тюремной камере без потолка.

Пруд был довольно большим. Хотя от многих я слышал, что в нем есть золотые рыбки, я не видел здесь никаких признаков жизни, да и вообще трудно было представить, что в заросшей ряской воде кто-то способен выжить, – это было и впрямь вполне подходящее место для находки трупа. Пруд обрамляла кладка из утопленных в жидкой глинистой почве каменных глыб, покрытых мхом. Минут двадцать, припав грудью к камню, выступавшему над водой, я рассматривал его через лупу, когда почувствовал: за мной наблюдают. Поначалу я подумал, что снова кто-то из членов семьи пришел докучать вопросами. Поскольку я и раньше настойчиво просил не отвлекать меня во время работы, то теперь решил, даже рискуя показаться грубым, притвориться, что ничего не замечаю.

Через некоторое время я услышал чьи-то шаги на дорожке неподалеку от входа в сад. К тому времени стороннему наблюдателю могло показаться противоестественным, что я так долго лежу на животе. Более того, я не забыл, что лежу примерно на том самом месте, где было совершено убийство, и что убийца все еще на свободе. Холодок пробежал по моей спине. Я встал, отряхнул одежду и повернулся к нарушителю моего спокойствия.

Я был, разумеется, весьма удивлен, увидев Сару Хеммингз, но, уверен, ничем не выдал этого, напротив, изобразил досаду, которую она наверняка уловила, потому что первыми ее словами стали:

– О! У меня и в мыслях не было шпионить за вами! Но слишком уж соблазнительно понаблюдать за великим человеком в процессе работы.

Я пристально всматривался в ее лицо, но не заметил никаких признаков сарказма. Тем не менее, придав голосу холодность, ответил:

– Мисс Хеммингз, в высшей степени неожиданно видеть вас здесь.

– Мне сказали, вы тут. Я приехала на несколько дней погостить у подруги в Пемли – это неподалеку.

Она помолчала, без сомнения, ожидая ответа. Я молчал, однако она, не выказав никаких признаков смущения, направилась ко мне.

– Мы с Эмери хорошие друзья, вы не знали? – продолжила она. – Как ужасно – это убийство.

– Да, ужасно.

– Ах, значит, вы верите, что это было убийство? Я так и знала. У вас уже есть какие-то версии, мистер Бэнкс?

Я пожал плечами:

– Кое-какие идеи имеются.

– Жаль, Эмери не догадалась обратиться к вам за помощью еще в апреле, сразу же, когда это случилось, а позвали Кельвина Хендерсона расследовать такое дело! Чего они могли ожидать? Его давно пора выбросить на свалку. Да, в такой глуши люди безнадежно отстают от жизни. В Лондоне, разумеется, любой рассказал бы им о вас.

Ее последнее замечание, признаюсь, меня немного заинтриговало, поэтому после некоторого колебания я не удержался от вопроса:

– Простите, что именно им могли рассказать обо мне?

– Ну как же, что вы самый блестящий детектив в Англии, разумеется. Да мы все говорили им это еще прошлой весной, но им понадобилось столько времени, чтобы решиться! Конечно, лучше поздно, чем никогда, но, наверное, теперь многие улики утрачены безвозвратно.

– Порой в том, что занимаешься делом по прошествии некоторого времени, есть преимущества.

– Неужели? Как интересно! А я-то всегда считала, что важно прибыть на место преступления как можно скорее, чтобы не остыл след.

– Напротив, никогда не поздно пойти по следу.

– Не находите ли вы, что после этого преступления все здесь такие подавленные, причем не только домашние? Весь Шектон словно стал загнивать. А ведь когда-то это был оживленный торговый городок и такое веселое место! Вы только взгляните на них теперь – они же почти не смотрят друг другу в глаза. Из-за этого дела все тут погрузились в пучину подозрительности. Уверяю вас, мистер Бэнкс, если вы сможете раскрыть это преступление, они будут помнить вас всю жизнь.

– Вы действительно так думаете? Это было бы забавно.

– Не сомневайтесь. Они будут вам так благодарны! Да они из поколения в поколение будут передавать рассказы о вас.

Я усмехнулся:

– Похоже, вы хорошо знаете жизнь в глубинке, мисс Хеммингз. А я думал, вы всю жизнь провели в Лондоне.

– О, в Лондоне я могу оставаться лишь некоторое время, потом мне обязательно нужно его покинуть. В душе я вовсе не горожанка, знаете ли.

– Вы меня удивляете. Мне всегда казалось, что вы очень привязаны к городу.

– Вы совершенно правы, мистер Бэнкс – нотка недовольства тем, что я загнал ее в угол, прозвучала в голосе. – Что-то действительно привлекает меня в городе. Он имеет свою... свою притягательность для меня. – В первый раз за время разговора она отвела взгляд и посмотрела на огороженный стеной сад. – Это напоминает мне... Впрочем, если честно признаться, ничего это мне не напоминает. Зачем притворяться? Пока мы разговаривали, я все время думала о другом. Я хотела попросить вас об одолжении.

– О каком именно, мисс Хеммингз?

– Из достоверных источников мне известно, что вы приглашены на ужин фонда Мередита. Это так?

После небольшой паузы я ответил:

– Да, так.

– Немалая честь – быть приглашенным на такое торжество в вашем возрасте. Я слышала, на этот раз ужин дается в честь сэра Сесила Медхэрста.

– Кажется, да.

– Говорят, на нем будет присутствовать Чарльз Вулф.

– Скрипач?

Она весело рассмеялась:

– А разве он занимается чем-нибудь еще? И Томас Байрон, кажется, тоже.

Она заметно возбудилась, но вдруг снова отвернулась от меня и, чуть дрожа, окинула взглядом пруд.

– Вы сказали, – заметил я, – что просите меня об одолжении?

– Ах да, да. Я бы хотела... хотела бы вас попросить взять меня с собой в качестве спутницы. На ужин фонда Мередита.

Теперь она в упор смотрела на меня. Я немного подумал, что ответить, и спокойно произнес:

– Я бы с радостью оказал вам эту услугу, мисс Хеммингз, но, к сожалению, несколько дней назад я уже послал ответ организаторам. Боюсь, теперь поздно сообщать им, что я буду не один...

– Глупости! – сердито воскликнула она. – Ваше имя сейчас у всех на устах. Если вы желаете привести с собой кого-нибудь, все будут только рады. Мистер Бэнкс, вы ведь не откажете мне? Это будет недостойно вас. В конце концов, мы с вами давние друзья.

Именно ее последнее замечание напомнило мне истинную историю нашей «дружбы» и привело в чувство.

– Мисс Хеммингз, – произнес я тоном, не допускающим дальнейших возражений, – оказать вам эту услугу я едва ли в состоянии.

Взгляд Сары Хеммингз стал еще более решительным.

– Мистер Бэнкс, я знаю все: ужин состоится в отеле «Кларидж» в следующую среду. Я буду там. С нетерпением жду этого вечера и встречу вас в вестибюле.

– Вестибюль отеля «Кларидж», насколько мне известно, открыт для всех уважаемых членов общества. Если вы желаете быть там вечером в следующую среду, я не могу вам этого запретить, мисс Хеммингз.

Она посмотрела на меня очень внимательно – видно, теперь она сомневалась в том, как я поступлю, – и наконец сказала:

– Тогда будьте уверены, что вы меня непременно увидите там в среду, мистер Бэнкс.

– Я уже сказал, это – ваше дело, мисс Хеммингз. А теперь прошу меня извинить.

Глава 3

Мне понадобилось лишь несколько дней, чтобы раскрыть тайну смерти Чарльза Эмери. Это дело не привлекло такого общественного внимания, как некоторые из моих предыдущих расследований, но глубокая благодарность семейства Эмери – да и всех жителей Шектона – принесла мне не меньшее удовлетворение, чем любое из тех дел, что мне довелось раскрыть к тому времени. Я вернулся в Лондон в отличном настроении и постепенно забыл о встрече с Сарой Хеммингз в саду за каменной оградой в первый день расследования. Впрочем, не скажу, что совершенно забыл о ее намерении явиться на ужин фонда Мередита, но, как уже было сказано, пребывая в приподнятом расположении духа после одержанной победы, я, видимо, просто не хотел думать о подобных предметах. Возможно, в глубине души я надеялся, что она не придет.

Так или иначе, когда вчера вечером я вышел из такси у отеля «Кларидж», мысли мои были заняты совсем другим. Я старался помнить: этим приглашением я прежде всего обязан своим успехам – и готовился к тому, что другие гости, нисколько, разумеется, не ставя под сомнение мое право находиться на подобном торжестве, пожелают узнать неафишируемые подробности раскрытых мною дел и наверняка будут одолевать меня вопросами. Я также решительно настраивал себя не покидать торжества до его окончания, даже если придется, испытывая неловкость, некоторое время простоять в одиночестве. Поэтому, войдя в просторный вестибюль, оказался совершенно неподготовленным к тому, чтобы увидеть поджидавшую меня там с улыбкой Сару Хеммингз.

Наряд ее был весьма впечатляющим – темное шелковое платье и неброские элегантные драгоценности. Она подошла ко мне с уверенным видом, успев при этом приветливо улыбнуться проходившей мимо супружеской паре.

– А, мисс Хеммингз, – кивнул я, лихорадочно вспоминая все, что произошло между нами в тот день в Шектоне. Признаюсь, в тот момент мне показалось, будто она имеет полное право ожидать, что я предложу ей руку и поведу наверх.

Она, безусловно, уловила мою нерешительность и приняла еще более самоуверенный вид.

– Дорогой Кристофер, – сказала она, – вы выглядите сногшибательно. Я потрясена! Да, я ведь еще не имела возможности поздравить вас. То, что вы сделали для Эмери, чудесно. Вы, как всегда, оказались на высоте.

– Благодарю вас. Дело было не таким уж сложным.

Мисс Хеммингз успела взять меня под руку, и, уверен, если бы она сразу двинулась к ливрейному лакею, направлявшему гостей к лестнице, мне не осталось бы ничего иного, кроме как сыграть роль ее спутника. Но здесь, как теперь очевидно, она допустила ошибку. Возможно, ей хотелось покрасоваться, насладиться моментом; возможно, смелость на какой-то миг покинула ее. Так или иначе, она не сделала движения по направлению к лестнице, а вместо этого, обозревая гостей, собиравшихся в вестибюле, сказала мне:

– Сэр Сесил еще не прибыл. Надеюсь, мне удастся поговорить с ним. Весьма справедливо, что в нынешнем году чествуют именно его, вы так не думаете?

– Действительно.

– Знаете, Кристофер, полагаю, не за горами тот день, когда все мы соберемся здесь, чтобы чествовать вас.

Я рассмеялся:

– Не думаю...

– Нет-нет. Я в этом не сомневаюсь. Ну ладно, еще несколько лет можно подождать. Но этот день настанет, вот увидите.

– Вы очень любезны, мисс Хеммингз.

Так мы беседовали, стоя в вестибюле, при этом она продолжала держать меня под руку. Время от времени кто-нибудь из проходивших мимо гостей улыбался и бросал ей или мне несколько приветственных слов. Не скрою, мне было приятно стоять под руку с Сарой Хеммингз на виду у всех этих людей, среди которых были известные лица. Мне казалось, что, когда они здоровались с нами, я мог прочесть в их глазах: «Ах, так значит, теперь она подцепила его? Что ж, вполне естественно». Это ощущение наполняло меня гордостью, отнюдь не заставляя чувствовать себя глупо или униженно. Но затем – не знаю даже, что послужило тому причиной, – я вдруг ужасно рассердился на нее. Уверен, что в тот момент в моем поведении не произошло заметной перемены, и мы еще несколько минут продолжали мило болтать, отвечая на случайные приветствия гостей. Но когда я снял ее руку со своего локтя и повернулся к ней, я сделал это с железной решимостью.

– Итак, мисс Хеммингз, мне было очень приятно снова увидеться с вами. Но теперь я вынужден вас покинуть и подняться наверх.

Я поклонился и двинулся прочь. Сара Хеммингз явно не ожидала такого поворота событий, и, если даже у нее был некий стратегический план, заготовка, она не сумела им быстро воспользоваться. Только когда я удалился от нее на несколько шагов и поравнялся с пожилой парой, поздоровавшейся со мной, она, опомнившись, подбежала ко мне.

– Кристофер! – в бешенстве зашептала Сара. – Вы не посмеете! Вы мне обещали!

– Вы отлично помните: я ничего вам не обещал.

– Вы не посмеете! Кристофер, вы не посмеете!

– Желаю приятного вечера, мисс Хеммингз.

Отвернувшись от нее и – так уж вышло – от пожилых супругов, которые изо всех сил делали вид, что ничего не слышат, я стал быстро подниматься по величественной лестнице.

Достигнув верхней площадки, я был препровожден в ярко освещенную приемную, где, как положено, присоединился к очереди, выстроившейся к столу, за которым сидел человек в униформе. С непроницаемым лицом он сверял по книге имена гостей. Когда подошел мой черед, я не без удовольствия отметил проблеск интереса на невозмутимом лице мужчины и, расписавшись в книге гостей, направился к двери, ведущей в огромный зал, где уже собралось, как я заметил, довольно много народу. На пороге, к которому увлек меня поток гостей, со мной поздоровался и пожал руку высокий мужчина с густой темной бородой. Я догадался, что он – один из распорядителей вечера, но почти не слышал его слов, потому что, сказать по чести, в тот момент продолжал думать о случившемся внизу. Я испытывал удивительную опустошенность и вынужден был напомнить себе: не моя вина в том, что мисс Хеммингз оказалась в столь неловком положении. Она сама спровоцировала всю эту унижительную ситуацию.

Однако, расставшись с бородатым распорядителем и углубившись в зал, я продолжал размышлять о Саре Хеммингз. Смутно помню, что ко мне подошел официант с подносом, уставленным бокалами, какие-то люди оборачивались, чтобы приветствовать меня. В какой-то момент я вступил в беседу с группой мужчин, все они – три или четыре человека – оказались учеными и, судя по всему, знали, кто я. Потом – к тому времени прошло уже минут пятнадцать – я вдруг уловил легкую перемену в атмосфере и, осмотревшись вокруг, по взглядам и взволнованным перешептываниям понял, что при входе происходит нечто необычное.

Как только я это заметил, мной овладело дурное предчувствие, и первым побуждением было улизнуть подальше, в глубину зала. Но какая-то таинственная сила подталкивала меня ко входу, и вскоре я снова очутился рядом с бородатым распорядителем, который как раз в тот момент, стоя спиной к залу, с паническим выражением наблюдал за драмой, разворачивавшейся перед ним.

Заглянув через его плечо, я получил подтверждение своей догадке: в центре событий действительно находилась мисс Хеммингз. Процессия гостей, ставивших подписи в гостевой книге, безнадежно застопорилась на ней. В данный момент она в буквальном смысле кричала, не обращая ни малейшего внимания на то, что все это слышат. Я видел, как она стряхнула руку одного из служащих отеля, пытавшегося ее урезонить; потом, наклонившись над столом и глядя прямо в глаза мужчине с суровым лицом, по-прежнему сидевшему там, сказала голосом, готовым сорваться на рыдания:

– Вы даже понятия не имеете! Я просто должна попасть туда, разве вы не понимаете? У меня там столько друзей! О пожалуйста, будьте благоразумны!

– Мне действительно очень жаль, мисс... – начал было человек с суровым, застывшим лицом, но Сара Хеммингз, с растрепавшимися с одной стороны волосами, не дала ему договорить.

– Это какое-то недоразумение, понимаете? Всего лишь обычное глупое недоразумение и ничего больше! А вы из-за него ведете себя так жестоко, просто поверить не могу! Не могу поверить, что...

Все, кто следил за этой сценой, на какое-то мгновение, казалось, замерли в потрясении. Потом бородатый распорядитель взял себя в руки и с важным видом подошел к столу.

– Что здесь происходит? – почти ласково спросил он. – Дорогая юная леди, произошла какая-нибудь ошибка? Ну-ну, уверен, мы все уладим. Я в вашем распоряжении. – Тут он встrepенулся и воскликнул: – Да это же мисс Хеммингз, не так ли?

– Разумеется, это я! Я! Разве вы не видите? А этот человек был так груб со мной...

– Но, мисс Хеммингз, дорогая, не стоит так расстраиваться. Давайте отойдем в сторонку...

– Нет! Нет! Вам не удастся меня вывести! Я не позволю! Говорю вам, я должна, просто обязана быть там! Я так давно об этом мечтала...

– Нужно непременно что-то сделать для этой дамы, – послышался сзади мужской голос – Нельзя пренебрегать такой красотой. Если даме так хочется войти, почему бы ей это не позволить?

В толпе гостей поднялся одобрителный гул, хотя на некоторых лицах я заметил явное неодобрение. Бородач поколебался, потом, видимо, решил, что его обязанность – любой ценой положить конец неприятной сцене.

– Ну что ж, в виде исключения... – И, повернувшись к мужчине с непробиваемым выражением лица, все так же сидевшему за столом, добавил: – Думаю, мы можем найти способ удовлетворить желание мисс Хеммингз, не правда ли, мистер Эдварде?

Я хотел было протиснуться поближе, но вдруг ощутил страх, что мисс Хеммингз может заметить меня и втянуть в недостойный спектакль, предъявив обвинения. И когда я начал отступать, она действительно на миг остановила глаза на мне, но ничего не предприняла, и уже в следующий момент ее исполненный муки взгляд был снова прикован к распорядителю. Воспользовавшись случаем, я поспешно ретировался.

В течение следующих минут двадцати я старался держаться подальше от входа. На удивление много гостей оказались излишне взволнованы происшествием, хотя и продолжали расточать друг другу похвалы и комплименты. Когда же со взаимными любезностями было покончено, гости перешли к восхвалению виновника торжества. У одного пожилого господина, который весьма подробно перечислил все достижения сэра Сесила Медхэрста, я спросил:

– Интересно, а сэр Сесил уже прибыл?

Мой собеседник, не выпуская из руки стакан, указал на группу гостей, среди которых я увидел высокую сутулую фигуру выдающегося государственного деятеля, беседовавшего

с двумя дамами средних лет. И тут же, чуть поодаль, я заметил Сару Хеммингз, решительно пробиравшуюся к нему сквозь толпу.

Сейчас она ничем не напоминала жалкое создание, каким казалась в приемной. Она вся сияла. Как я уже сказал, мисс Хеммингз без тени сомнения приблизилась к сэру Сесилу и коснулась его руки.

В этот момент мой пожилой собеседник стал кому-то меня представлять, поэтому я был вынужден отвлечься. Когда я снова посмотрел в сторону сэра Сесила, то увидел, что обе дамы стоят по одну сторону от него, неловко улыбаясь, а вниманием сэра Сесила полностью завладела мисс Хеммингз. Она что-то ему говорила, а он время от времени громко смеялся, чуть откидывая голову назад.

В положенное время нас пригласили в банкетный зал, где мы расселись за необозримо длинным столом, освещенным множеством свечей. Я с облегчением обнаружил, что место мисс Хеммингз находится довольно далеко, и некоторое время наслаждался происходящим, болтая с сидевшими рядом дамами, – каждая была по-своему очаровательна. Еда тоже оказалась изысканной и вкусной. Но по мере того как продолжался ужин, я стал все чаще наклоняться вперед, чтобы увидеть мисс Хеммингз, и прокручивать в голове причины, побудившие меня повести себя так, как я себя повел.

Вероятно, из-за той озабоченности сейчас я не могу вспомнить ужин в деталях. Где-то во главе стола произносили речи; гости вставали, чтобы воздать хвалу сэру Сесилу за вклад, который он внес в международные отношения, в частности за роль, которую он сыграл в создании Лиги Наций. Потом наконец поднялся сам сэр Сесил.

Насколько я помню, собственные достоинства он всячески старался умалить, хотя, в общем, его выступление было довольно оптимистичным. С точки зрения сэра Сесила, человечество извлекло урок из собственных ошибок и создало структуры, стоящие на страже мира. Человечество больше никогда не увидит потрясений такого масштаба, каким явилась Великая война. В то же время, какой бы ужасной ни была та война, она представляла собой «своеобразное звено в эволюции человека», когда за несколько лет прогресс намного опередил наши недавние представления о возможностях техники. Всех поразило быстрое развитие технических средств, позволившее вести боевые действия с помощью современных видов вооружения, но, к счастью, теперь многое изменилось. Мы наглядно увидели ужас, к которому может привести прогресс, силы защитников цивилизации возобладали и остановили безумие. Приблизительно к этому сводилась речь виновника торжества, и мы от души аплодировали ему.

После ужина дамы нас не покинули, напротив, всем предложили проследовать в бальный зал. Там играл струнный квартет, и официанты разносили ликеры, сигары и кофе. Гости переходили с места на место, образуя группы, и вскоре установилась гораздо более непринужденная атмосфера, чем до ужина. В какой-то момент я поймал взгляд мисс Хеммингз, брошенный из другого конца зала, и был немало удивлен тем, что она улыбнулась мне. Моей первой мыслью было, что это улыбка врага, замышляющего страшную месть; но, продолжив наблюдать за ней по ходу вечера, я убедился в своей ошибке. Сара Хеммингз была искренне счастлива. Месяцами, быть может, годами строя планы на этот вечер, она смогла преуспеть в их осуществлении. Она была здесь и, словно женщина, разрешившаяся от бремени, испытывала огромное облегчение, забыв о боли, которую пришлось претерпеть на пути к желанной цели. Я наблюдал, как она переходит от одного кружка беседующих к другому, как мило щебечет. Мне пришло в голову, что стоило бы подойти и помириться с ней, пока она пребывает в добром расположении духа, но мысль о возможной резкой перемене ее настроения заставила держаться подальше.

Прошло, наверное, с полчаса после того, как мы перешли в бальный зал, когда меня наконец представили сэру Сесилу Медхэрсту. Я не предпринимал никаких попыток познако-

миться с ним, но, вероятно, был бы слегка раздосадован, если бы упустил возможность обменяться парой фраз с выдающимся государственным деятелем. Случилось так, что это его подвели ко мне – это сделала леди Адамс, с которой я познакомился сравнительно недавно, во время одного из расследований. Сэр Сесил тепло пожал мне руку и сказал:

– О, мой юный друг! Вот вы, значит, какой!

На несколько минут нас оставили наедине посреди зала. К тому времени вокруг уже царил веселая толчея, так что, обменявшись обычными любезностями, мы были вынуждены разговаривать, наклонившись друг к другу и напрягая голос. В какой-то момент, слегка подтолкнув меня локтем, он сказал:

– Во время ужина я уже говорил, что мир становится все более безопасным и цивилизованным. Я, знаете ли, верю в это. По крайней мере, – тут он схватил мою руку и лукаво заглянул мне в глаза, – по крайней мере, мне нравится верить в это. О да, мне ужасно нравится в это верить! Но я не знаю, мой юный друг, не знаю, сумеем ли мы до конца выдержать этот курс. Будем делать все, что сможем. Организации, конференции... Будем собирать лучшие умы ведущих стран, чтобы люди, обмениваясь мнениями, объединили усилия. Но зло всегда будет таиться за углом. О да! Оно постоянно начеку, даже теперь, когда мы с вами разговариваем, оно замышляет козни, чтобы привести цивилизацию на край пропасти. Силы зла хитроумны, дьявольски хитроумны. Добропорядочные мужчины и женщины могут делать все возможное, посвящать все силы тому, чтобы держать их в узде, но, боюсь, этого может оказаться недостаточно. Для добропорядочного гражданина зло слишком хитроумно и изобретательно. Оно будет ходить кругами, искушать, провоцировать. Я вижу это, вижу даже сейчас, но дальше станет еще хуже. Вот почему нам будут особенно нужны такие люди, как вы, люди, на которых можно положиться, мой юный друг, которые быстро разгадают дурные умыслы и вырвут ядовитые сорняки прежде, чем они заполонят все пространство.

Возможно, сэр Сесил чуть подвыпил, возможно, шумное торжество ошеломило его. Во всяком случае, он продолжал в том же духе еще какое-то время, то и дело взволнованно хватая меня за руку. А может, просто этот выдающийся человек был экзальтированным по натуре. Мне же весь вечер хотелось задать ему один вопрос, и, когда он замолчал, я решился:

– Сэр Сесил, вы, кажется, недавно побывали в Шанхае?

– В Шанхае? Ну конечно, мой друг. Несколько раз ездил туда и обратно. То, что происходит в Шанхае, очень серьезно. Нельзя больше, знаете ли, ограничиваться Европой. Если мы хотим преодолеть хаос в Европе, нам пора расширить наше влияние.

– Я спрашиваю, сэр, потому что родился в Шанхае.

– Неужели? Так-так.

– Мне просто хотелось узнать, сэр, не встречали ли вы там моего старого друга. Вряд ли у вас могли быть точки пересечения, и все же... Его фамилия Ямасита. Акира Ямасита.

– Ямасита? Гм-м... Японец? В Шанхае, конечно же, полно японцев. Они сейчас приобрели там большое влияние. Вы сказали Ямасита?

– Акира Ямасита.

– Нет, кажется, я с ним не встречался. Он дипломат?

– Дело в том, сэр, что я этого не знаю. Мы дружили с ним в детстве.

– Ах, вон оно что! В таком случае уверены ли вы, что он еще в Шанхае? Возможно, ваш приятель вернулся в Японию?

– О нет, я уверен, он по-прежнему в Шанхае. Акира обожал этот город. Кроме того, он решительно был настроен никогда не возвращаться в Японию. Нет, я не сомневаюсь, что он там.

– Понятно. К сожалению, я с ним не встречался. Часто виделся с другим парнем, Сайто, и с несколькими военными. Но среди них не было никого с именем Ямасита.

– Ну что ж... – Я засмеялся, чтобы скрыть разочарование. – Это было маловероятно. Я просто так спросил.

Как раз в тот момент я с тревогой обнаружил, что Сара Хеммингз стоит рядом.

– Значит, вам наконец удалось отловить великого сыщика, сэра Сесил! – воскликнула она.

– Да, моя дорогая, – ответил пожилой джентльмен, глядя на нее сияющими глазами. – И я сказал ему, что очень многое будет зависеть от него в предстоящие годы.

Сара Хеммингз улыбнулась, глядя на меня:

– Должна вам заметить, сэра Сесил, что, по моим наблюдениям, на мистера Бэнкса отнюдь не всегда можно положиться. Но, вероятно, он лучший из всех, кто у нас есть.

При этих словах я счел за благо как можно скорее удалиться и, притворившись, будто заметил кого-то в другом конце зала, извинился и откланялся.

В течение некоторого времени мисс Хеммингз больше не попадалась мне на глаза. Потом гости начали разъезжаться, толпа в зале поредела, и официанты открыли балконные двери, чтобы впустить в помещение освежающий ветерок. Вечер был теплым, и, желая проветриться, я вышел на балкон. Сделав первый же шаг, я обнаружил, что Сара Хеммингз со вставленной в мундштук сигаретой стоит на балконе и озирает ночное небо. Я хотел было мгновенно дать задний ход, но что-то подсказало мне: хоть она и не шелохнулась при моем появлении, оно не ускользнуло от ее внимания. Поэтому мне пришлось сделать еще один шаг вперед и сказать:

– Итак, мисс Хеммингз, вечер у вас в конце концов удался.

– Это действительно был самый восхитительный вечер, – ответила она, не оборачиваясь, и, вздохнув, затянулась сигаретой, потом одарила меня через плечо мимолетной улыбкой и снова уставилась в ночное небо. – Все было именно так, как я представляла. Куда ни взгляни – повсюду замечательные люди. Потрясающие люди. А сэра Сесил, он такой милый, вы не находите? У меня была интереснейшая беседа с Эриком Митчеллом о его выставке. В следующем месяце он собирается пригласить меня на персональную экскурсию.

Я ничего на это не ответил, и некоторое время мы просто стояли рядом, опершись на балконные перила. Удивительно, но, вероятно, благодаря струнному квартету, исполнявшему вальс, нежная мелодия которого доносилась до нас из зала, молчание не казалось неловким, как можно было ожидать. Наконец мисс Хеммингз проронила:

– Наверное, я вас удивила.

– Удивили?

– Ну, своей решимостью проникнуть сюда сегодня во что бы то ни стало.

– Да, признаюсь, удивили. – Я немного помолчал. – А почему, мисс Хеммингз, вам было столь необходимо приобщиться к тому обществу, которое здесь сегодня собралось?

– Столь необходимо? Вы думаете, что для меня это было необходимо?

– Судя по всему, да. И сцена, которую я наблюдал у входа в начале вечера, подтверждает мою догадку.

К моему удивлению, она ответила веселым смехом. Потом, улыбнувшись, спросила:

– А почему бы и нет, Кристофер? Почему бы мне не стремиться в подобное общество? Разве это... разве это не рай?

Поскольку я ничего не ответил, улыбка на ее лице погасла.

– Вижу, вы меня не одобряете, – сказала она уже совсем другим голосом.

– Я просто заметил...

– Да ничего, все в порядке. Вы абсолютно правы. Вы ведь имели возможность заметить это еще раньше, а теперь вас это смутило. Но что еще мне остается? Я не желаю, состарившись и оглядываясь на свою жизнь, сожалеть об упущенных возможностях. Хочу, чтобы у меня в прошлом было нечто, чем можно гордиться. Видите ли, Кристофер, я честолюбива.

– Я вас не совсем понимаю. Вам кажется, ваша жизнь будет более осмысленной, если вы станете общаться со знаменитостями?

– Значит, вот как вы обо мне думаете?

Она отвернулась, вероятно, искренне обидевшись, и снова затянулась сигаретой. Я наблюдал, как она смотрит вниз, на опустевшую улицу и белые дома напротив с лепниной на фасадах. Потом она грустно произнесла:

– Боюсь, именно так это и выглядит. Особенно если человек смотрит на меня циничным взглядом.

– Надеюсь, вам не кажется, что я смотрю на вас таким взглядом? Я бы очень огорчился, узнав, что это так.

– Тогда вам следовало бы попытаться проявить чуть больше понимания. – Она обернулась и напряженно всмотрелась в мое лицо, прежде чем отвернуться снова. – Будь живы мои родители, они наверняка твердили бы мне, что давно пора выйти замуж. И наверное, были бы правы. Но я не хочу жить так, как, по моим наблюдениям, живут очень многие девушки. Я не собираюсь растрчивать свою любовь, всю энергию, ум – сколь скромны бы они ни были – на какого-нибудь бесполезного человека, посвящающего жизнь гольфу или торговле в Сити. Я выйду замуж за кого-то, кто действительно сможет внести свой вклад в развитие человечества, в то, чтобы сделать мир лучше. Неужели это такое уж постыдное стремление? Я хожу на подобные вечера не затем, чтобы подцепить какую-нибудь знаменитость, Кристофер. Я ищу выдающихся людей. Ради этого можно иногда вытерпеть и некоторую неловкость! – Она махнула рукой в сторону зала. – Но я никогда не соглашусь с тем, что моя судьба – посвятить свою жизнь какому-нибудь милому, воспитанному, но бесполезному мужчине.

– Когда вы так говорите, – ответил я, – становится ясно, что вы считаете себя избранной.

– В некотором роде, Кристофер, так и есть. Ах, что это играют? Что-то знакомое. Это Моцарт?

– Думаю, Гайдн.

– Конечно, вы правы. Да, это Гайдн. – Несколько минут она смотрела на небо и, казалось, слушала.

– Мисс Хеммингз, – сказал я наконец, – я вовсе не горжусь своим сегодняшним поведением. Можно сказать, теперь я даже сожалею о том, что произошло. Надеюсь, вы меня простите.

Она продолжала смотреть в темноту, вода по щеке мундштуком.

– Очень любезно с вашей стороны, Кристофер, – тихо ответила Сара. – Но это мне следует принести извинения. В конце концов, я ведь хотела вас использовать. Конечно, хотела. Не сомневаюсь, я выглядела отвратительно, но это мне безразлично. Что мне безразлично, так это то, что я плохо обошлась с вами. Возможно, вы не поверите, но это так.

Я рассмеялся:

– Ну, в таком случае давайте постараемся простить друг друга.

– Да, давайте. – Она повернулась ко мне, и лицо ее озарилось почти детской радостной улыбкой. Потом на него снова напозла тень усталости, и она опять устремила взгляд в ночную тьму. – Думаю, все из-за того, что я слишком тщеславна. И из-за того, что у меня осталось не так уж много времени.

– Давно ли вы потеряли родителей? – спросил я.

– Мне кажется, это случилось в незапамятные времена. Но в каком-то отношении они всегда со мной. Взгляните, все расходятся. Какая жалость! А я хотела еще о многом с вами поговорить. Например, о вашем друге.

– О моем друге?

– Ну да, о человеке, о котором вы спрашивали сэра Сесила. Ну, о том, из Шанхая.

– Об Акире? Мы с ним не виделись с детства.

– Но он, судя по всему, очень много значит для вас.

Я оглянулся.

– Вы правы. Все действительно расходятся.

– Тогда, полагаю, и мне пора, а то мой уход будет замечен так же, как и прибытие, – сказала она, но не двинулась с места, и в конце концов я сам, извинившись, вернулся в зал.

Лишь один раз я подумал, что мисс Хеммингз выглядит так одиноко. В ночи, с сигаретой на балконе, а в зале гости уже начинают расходиться... У меня даже мелькнула мысль: не вернуться ли и не предложить ли проводить ее. Но ее вопрос об Акире немного насторожил меня, и я решил, что для одного вечера сделал достаточно, чтобы исправить отношения, сложившиеся между мной и Сарой Хеммингз.

Часть вторая Лондон, 15 мая 1931 года

Глава 4

В глубине нашего сада в Шанхае был покрытый травой холм, на вершине которого рос одинокий клен. Когда нам с Акирой исполнилось по шесть лет, мы обожали играть на этом холме и вблизи него, и, когда бы я ни вспоминал теперь о друге своего детства, в моем воображении возникали два мальчика, бегающие по склонам того холма, а порой спрыгивающие с него там, где склон особенно крут.

Время от времени, запыхавшись, мы садились отдохнуть на вершине, прислонясь спинами к стволу клена. С высоты нам было хорошо виден сад и большой белый дом в дальнем его конце. Закрыв глаза, я живо вижу перед собой тщательно подстриженный «английский» газон, полуденные тени, отбрасываемые вязами, что отделяли наш сад от сада Акиры, и сам дом – огромное белое сооружение со множеством флигелей и забранных решетками балконов. Подозреваю, что лелеемая в памяти картина дома в значительной мере плод детского воображения и что на самом деле дом вовсе не был велик. Разумеется, даже тогда, в детстве, я сознавал, что он никак не может соперничать в великолепии с резиденциями, расположенными за углом, на дороге Кипящего Колодца. Тем не менее дом более чем удовлетворял потребностям его обитателей, то есть моих родителей, меня, Мэй Ли и слуг.

Он являлся собственностью компании «Баттерфилд и Суайр», вследствие чего многие украшения и картины, висевшие на стенах, мне было строго запрещено трогать. Это также означало, что время от времени в доме останавливался какой-нибудь «гость» – например, сотрудник компании, только что прибывший в Шанхай и не успевший еще обзавестись хозяйством. Не знаю, возражали ли мои родители против такого установления. Я же несколько не был против, потому что «гостем» обычно оказывался молодой человек, вместе с которым в дом входила атмосфера английских лугов, какими они представлялись мне по «Ветру в ивах», или тонущих в тумане улиц из детективных рассказов Конан Дойла. Эти молодые англичане, желая произвести хорошее впечатление, позволяли мне задавать им бесчисленное количество вопросов, а иногда даже выполняли мои неблагоприятные просьбы. Многие из них, как мне представляется, были моложе, чем я теперь, и, впервые оказавшись вдали от дома, пребывали в растерянности. Но для меня в те времена все они были объектами пристального изучения.

Однако вернемся к Акире. Была в нем некая особенность, которая вспоминается мне теперь в связи с тем днем, когда мы, разыгрывая одну из своих пьес, набегались, как сумасшедшие, вверх и вниз по холму и присели отдышаться под кленом. Я, стараясь успокоить дыхание, смотрел через лужайку на дом, и тут Акира, сидевший у меня за спиной, сказал:

– Осторожно, стурик. Многоножка. Прямо возле твоей ноги.

Я отчетливо слышал, как он произнес «стурик», но тогда не обратил на это внимания. Словечко, однако, Акире, судя по всему, очень понравилось, и в течение последующих нескольких минут, когда мы снова приступили к игре, он несколько раз повторил его: «Сюда, стурик», «Быстрее, стурик».

– Во всяком случае, не «стурик», а «старик», – не выдержал я наконец, когда мы заспорили о том, как должно развиваться действие дальше.

Акира, как я и ожидал, яростно запротестовал:

– А вот и нет! Ничего подобного. Миссис Браун. Она заставляет повторять меня: стурик, стурик. Правильное произношение, всегда. Она говорит «стурик». Она учитель!

Переубеждать его было бессмысленно: начав учить иностранный язык, он страшно гордился своим новым статусом знатока английской речи в семье. Но я не желал уступать, и в конце концов спор наш достиг такого накала, что Акира, не дожидаясь окончания игры, гордо удалился, кипя гневом, через «потайную дверь» – дыру в живой изгороди, разделявшей наши участки.

В течение нескольких последующих дней, когда мы играли вместе, он не называл меня «стуриком» и не возвращался к предмету нашей ссоры. Я почти забыл о ней, когда через несколько недель, как-то утром, тема всплыла снова. Мы возвращались домой по дороге Кипящего Колодца мимо шикарных домов на прекрасных лужайках. Не помню, что именно я ему сказал, но он ответил мне:

– Очень мило с твоей стороны, старик.

Помню, как я боролся с искушением указать ему на свою правоту, потому что к тому времени достаточно хорошо знал Акиру, чтобы понимать: он говорит теперь «старик» не просто потому, что понял свою ошибку; неким странным образом мы оба понимали: он пытается мне внушить, будто именно он всегда настаивал на таком произношении – «старик», а теперь он лишь подтверждает свой аргумент, и отсутствие возражений с моей стороны свидетельствует о его окончательной победе. И действительно, до конца дня он продолжал называть меня «стариком», а лицо у него было такое, словно он хотел сказать: «Ну что, не будешь больше выставлять себя на посмешище? Рад, что ты образумился».

Такое поведение нельзя было назвать совершенно нетипичным для Акиры, но, хотя меня это всегда бесило, я редко удосуживался возражать ему. В сущности – мне и сегодня это трудно объяснить, – я испытывал некоторую потребность подыгрывать фантазиям Акиры, и, если бы кто-то из взрослых взялся быть арбитром в нашем споре по поводу «стурика», я бы сам, пожалуй, принял сторону Акиры.

Вовсе не хочу этим сказать, будто Акира верховодил мной или наша дружба была хоть в какой-то мере неравноправной. В играх я проявлял не меньше инициативы, и большинство окончательных решений оставалось за мной. Дело в том, что в умственном развитии я считал себя выше, и Акира, вероятно, признавал это. С другой стороны, существовали вещи, которые придавали моему японскому другу большой авторитет в моих глазах. Например, приемы борьбы, которые он часто применял, если был недоволен моими высказываниями или если в ходе разыгрывания одной из наших драм я противился повороту сюжета, на котором настаивал он. В целом, несмотря на то что он был всего на месяц старше меня, я считал его более опытным, что ли. Похоже, он знал много такого, что мне было неизвестно. А самое главное, он говорил, будто несколько раз предпринимал дерзкие вылазки за пределы колонии иностранцев, именовавшейся в Шанхае «поселком».

С дистанции прошедших лет мне кажется немного удивительным, что нам, мальчишкам, разрешали без сопровождения уходить так далеко. Впрочем, мы, разумеется, никогда не преступали пределов относительно безопасного района для иностранцев. Между тем если мне, например, категорически запрещалось посещать китайские кварталы города, то, насколько я могу судить, родители Акиры были в этом отношении гораздо менее строги. Нам говорили, что там, вне колонии, царство отвратительных болезней, грязи и дурных людей. В самой опасной близости от границы «поселка» я оказался лишь однажды, когда экипаж, в котором ехали мы с мамой, неожиданно свернул на непривычную дорогу – вдоль реки, огибающей район Чапей. Глядя на наползающие друг на друга крыши по ту сторону реки, я задерживал дыхание, чтобы не дай бог не подхватить какую-нибудь заразу, которая, конечно же, могла перелететь по воздуху через узкую полосу воды. Неудивительно, что рассказы

друга о нескольких его тайных вылазках в подобные места производили на меня сильное впечатление.

Помню, я не раз пытал Акиру насчет этих его походов. Что касается китайских кварталов, утверждал он, то реальность намного превосходит все слухи. Там нет домов в обычном смысле слова – лишь лачуги, построенные впритык одна к другой. Это, по его словам, скорее напоминало базар на Бунской дороге, если представить, что в каждой лавке живет целая семья. Более того, повсюду валяются трупы, облепленные жужжащими мухами, и никому до этого нет никакого дела.

Однажды Акира шел по многолюдной улице и увидел, как человека – важного военного, по его предположению, – несли в паланкине, который сопровождал великан с мечом. Военный указывал на кого хотел, и великан отрубал тому голову, будь то мужчина или женщина. Естественно, все в панике пытались спрятаться, а Акира стоял и дерзко смотрел на военного. Последний задержался на мгновение, раздумывая, не обезглавить ли и Акиру, но затем, видимо пораженный храбростью моего друга, рассмеялся и, протянув руку, погладил его по голове. После чего кортеж военного двинулся дальше, оставляя за собой множество новых жертв.

Не помню, чтобы мне когда-либо пришло в голову усомниться в правдивости рассказов Акиры. Однажды я мимоходом упомянул в разговоре с мамой о приключениях друга за пределами «поселка», она улыбнулась и сказала нечто, посеявшее сомнения в моей душе. Я рассердился на нее и впоследствии в разговорах с ней старался избегать тем, связанных с Акирой.

Кстати, моя мать была единственным человеком, к которому Акира относился с каким-то особым, благоговейным трепетом. Если, скажем, я не уступал ему в споре даже после того, как он применял ко мне один из своих знаменитых приемов, я всегда мог прибегнуть к последнему средству – предложить, чтобы нас рассудила моя мама. Разумеется, делал я это неохотно: в подобном возрасте унижительно использовать авторитет матери в качестве аргумента. Но в тех случаях, когда все же приходилось к этому прибегать, меня всегда поражало, какой это производило эффект: безжалостный демон с мертвой хваткой вмиг превращался в охваченного паникой ребенка. Я никогда не мог понять, почему моя мать оказывала такое воздействие на Акиру, ведь хотя он всегда был даже излишне вежлив, в целом робость перед взрослыми была ему несвойственна. Более того, я не помню, чтобы моя мать когда-либо говорила с ним иначе, кроме как в самом ласковом и дружелюбном тоне. Я немало размышлял тогда над этим, и мне в голову приходили разные объяснения.

Некоторое время я думал, что Акира так относится к моей маме потому, что она красивая. То, что моя мама красивая, я воспринимал в детстве как само собой разумеющееся. Так все о ней говорили, и я, видимо, привык к слову «красивая», как к ярлыку, означающему не более того, что означают слова «высокая», «низенькая» или «молодая». В то же время я не мог не замечать того впечатления, которое ее красота производила на окружающих. Разумеется, в тогдашнем моем возрасте у меня не было определенного представления о женской привлекательности. Но, повсюду сопровождая маму, я не удивлялся тому, например, что прохожие бросали на нее восхищенные взгляды, когда мы прогуливались в городском саду, или тому, что официанты оказывали ей особое внимание, когда утром по субботам мы заходили в итальянское кафе на Нанкинской дороге полакомиться пирожными.

Сейчас, когда я смотрю на ее фотографии – у меня в альбоме, привезенном из Шанхая, их семь, – она представляется мне красавицей скорее в прежнем, викторианском, стиле. Сегодня ее, пожалуй, назвали бы интересной, и уж во всяком случае никто не сказал бы «хорошенькая». Я не могу себе представить ее кокетливо жестикулирующей или откидывающей голову, как это принято у нынешних молодых дам. На снимках – все они сделаны до моего рождения: четыре в Шанхае, два в Гонконге, один в Швейцарии – она выглядит,

несомненно, элегантной, статной, быть может, даже несколько надменной, но в ее взгляде сквозит потаенная нежность, это я хорошо помню. Словом, я хочу сказать, что для меня было вполне естественным предположить, по крайней мере вначале, что странное отношение Акиры к моей матери продиктовано ее красотой. Но, поразмыслив тщательнее, я остановился на более вероятном объяснении, а именно: на Акиру произвел неизгладимое впечатление эпизод, свидетелем которого он оказался однажды утром, когда к нам в дом явился инспектор по санитарному надзору.

Это было рутинным событием нашей жизни: время от времени нас посещало какое-нибудь официальное лицо из «Баттерфилд и Суайр». Тот или иной чиновник приблизительно час бродил по дому, отмечая что-то в блокноте и иногда задавая вопросы. Помню, мама как-то рассказывала мне, что когда я был совсем маленьким, то любил играть в «инспектора по санитарному надзору» и ей приходилось уговаривать меня не тратить столько времени на осмотр туалетной комнаты с карандашом в руке. Скорее всего, так и было, но, насколько помню, подобные визиты обычно были скучными, и в течение многих лет я совершенно не думал о них. Теперь, однако, понимаю: проверки, которые устраивались не только для того, чтобы проинспектировать гигиенические условия, но и для того, чтобы выявить признаки заболеваний у хозяев и домашней челяди, порождали большую неловкость. Безусловно, лица, избираемые компанией для подобной миссии, должны были обладать особой тактичностью и деликатностью. Конечно, я помню этих робких, хитроватых людей – обычно это были англичане, реже французы, – которые всегда вели себя почтительно не только с моей матерью, но и с Мэй Ли, что меня очень радовало. Но инспектор, явившийся в то утро, – мне, кажется, было тогда лет восемь, – оказался совсем другим.

Сегодня, когда я пытаюсь мысленно представить его, в памяти всплывают две отличительные черты: у него были обвислые усы и коричневое пятно – вероятно, от чая – на тулье шляпы сзади, уходящее под ленту. Я играл перед домом на лужайке. Помню, в тот пасмурный день я был полностью поглощен игрой, когда у ворот появился какой-то мужчина и направился к дому. Поравнявшись со мной, он бросил: «Привет, молодой человек. Мама дома?» – и, не дожидаясь ответа, проследовал дальше. Я посмотрел ему в спину и заметил пятно на шляпе.

Примерно через час произошло следующее. Пришел Акира, и мы с ним играли у меня в комнате. Отвлечься от игры нас заставили голоса – не то чтобы очень громкие, но какие-то напряженные. Мы тихонько пробрались на лестничную площадку и спрятались за тяжелым дубовым шкафом, что стоял за дверью комнаты для игр.

В нашем доме была довольно широкая лестница, и из своего укрытия мы могли видеть блестящие перила площадки у входа в холл. Там лицом друг к другу почти в центре стояли инспектор и моя мать, оба напряженные, напоминавшие две шахматные фигуры, случайно оставленные на доске. Инспектор, как я заметил, прижимал к груди шляпу с пятном. Мама стояла, сложив руки чуть ниже груди, как делала это по вечерам, готовясь петь, когда миссис Льюис, жена американского vicar, приходила аккомпанировать ей на фортепьяно.

Их спор, малозначительный сам по себе, наверняка имел для моей матери особый смысл, победа в нем была чем-то вроде нравственного триумфа. Помню, по мере моего взросления она не раз возвращалась к нему, словно хотела, чтобы я прочувствовал его всем сердцем. Помню также, она часто рассказывала эту историю гостям, а в конце обычно смеялась и замечала, что инспектора вскоре после того случая сняли с должности. Вследствие этого я теперь не могу сказать, что именно видел сам из нашего укрытия, а что помню по рассказам матери. Во всяком случае, мне кажется, мы с Акирой, выглянув из-за дубового шкафа, слышали, как инспектор говорил что-то вроде:

– Я отношусь с полным уважением к вашим чувствам, миссис Бэнкс, тем не менее в подобных местах предосторожность не бывает излишней. Ведь компания несет ответственность за благополучие всех служащих, даже таких закаленных, как вы с мистером Бэнксом.

– Простите, мистер Райт, – отвечала моя мать, – но ваши возражения мне по-прежнему непонятны. Слуги, о которых вы толкуете, за долгие годы зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Я могу поручиться: они соблюдают все правила. И вы сами признали, что не обнаружили у них никаких признаков заразных заболеваний.

– И все же, мадам, они из Шаньдуна. А компания обязана предостеречь всех своих служащих от того, чтобы нанимать на работу выходцев из этой провинции. Такое ограничение, если позволите заметить, продиктовано горьким опытом.

– Вы серьезно? Хотите, чтобы я уволила наших друзей – да, мы давно считаем их друзьями – только потому, что они родом из Шаньдуна?

Здесь манера инспектора изъясняться стала патетической. Он снова начал объяснять моей матери, что возражения компании против слуг из Шаньдуна основываются на сомнениях, касающихся не только их здоровья и соблюдения правил гигиены, но также и честности. А поскольку в доме находится множество ценных вещей, принадлежащих компании – инспектор обвел рукой холл, – он обязан повторить свои рекомендации. Когда моя мать прервала его, чтобы поинтересоваться, на чем конкретно основываются столь удивительные обобщения, инспектор тяжело вздохнул и сказал:

– Если коротко, мадам, – опиум. Употребление опиума в Шаньдуне достигло в настоящее время такого размера, что существуют целые деревни, все жители которых стали рабами трубки. Отсюда, миссис Бэнкс, и частые случаи заражения. А тем, кто приезжает из Шаньдуна на работу в Шанхай, пусть даже с самыми честными намерениями, неизбежно рано или поздно приходится воровать ради своих родителей, братьев и кузенов, чьи пороки они так или иначе должны оплачивать... Господи помилуй, мадам! Я ведь только пытаюсь объяснить...

В этот момент съезжился не только инспектор; я видел, как Акира, глубоко вдохнув, затаил дыхание и с открытым ртом неотрывно смотрел на мою мать. Именно воспоминание об этом моменте и привело меня позднее к убеждению, что его благоговейный трепет перед ней ведет свое начало от того спора.

Однако если инспектора и Акиру потряс вид моей матери в тот миг, то я не видел в происходящем ничего необычного. По мне, так она просто немного напряглась, готовясь сказать что-то важное. Но я-то хорошо знал ее привычки и манеру говорить, а тех, кто был знаком с ней меньше, обычные в таких случаях взгляд и поза моей матери, безусловно, могли напугать.

Тем не менее не могу сказать, что и меня совсем не испугал последовавший за этим взрыв. В тот самый момент, когда инспектор произнес слово «опиум», я уже знал: бедолаге несдобровать.

Он замолк на полуслове, без сомнения, уверенный в том, что сейчас его прервут. Но помню, мама, не сводя глаз с инспектора, выдержала паузу – в холле повисла звенящая тишина – и лишь потом тихим голосом, в котором не было и намека на то, что вот-вот разразится буря, спросила:

– Это вы мне, сэр, от имени компании говорите об опиуме?

После этого она со сдержанной яростью выдала тираду, в которой напомнила инспектору о том, что к тому времени мне было уже известно и о чем я неоднократно слышал: британцы в целом и компания «Баттерфилд и Суайр» в частности, в несметных количествах ввозя в Китай индийский опиум, способствовали деградации и обнищанию целого народа. Иногда мамин голос начинал звенеть, но ни разу речь не утратила размеренности. Наконец, все так же не отрывая взгляда от своего противника, она спросила его:

– Вам не совестно, сэр? Как христианину, как англичанину, как человеку, считающему себя порядочным? Вам не стыдно служить такой компании? Скажите, как вы можете спать спокойно, зная, что своим благополучием обязаны столь несправедным способом нажитому богатству?

Если бы инспектору достало смелости, он мог бы возразить, что моей матери едва ли пристало делать ему подобный выговор, что подобные слова вряд ли уместны в устах жены лояльного служащего компании, живущего в принадлежащем компании доме. Но к тому времени инспектор понял: это ему не по силам. Пробормотав, чтобы сохранить лицо, несколько избитых фраз, он ретировался из дома.

В те времена меня еще удивляло, когда взрослые, как, например, этот инспектор, делали вид, будто не знают о борьбе, которую моя мать вела против опиума. В детстве я верил, что маму знают и восхищаются ею как принципиальным врагом Великого Китайского Опиумного Дракона. Употребление опиума, должен сказать, не было чем-то, что взрослые жители Шанхая так уж пытались утаить от детей, но, разумеется, в нежном возрасте я знал об этом мало. Каждый день из окошка экипажа, отвозившего меня в школу, я видел китайцев, растянувшихся на утреннем солнышке на порогах своих домов вдоль Нанкинской дороги, и в течение довольно долгого времени, когда речь заходила о деятельности моей матери, считал, что она помогает только этой группе знакомых людей. Однако, повзрослев, я стал чаще замечать, что вокруг всего этого существует какая-то тайна. Например, мне надлежало присутствовать на завтраках, которые давала мама.

Они происходили у нас в доме, как правило, в будние дни, когда отец был на работе. Обычно приходили четыре-пять дам, их препровождали в оранжерею, где среди ползучих растений и пальм уже был накрыт стол. Я помогал, передавая чашки, блюда и тарелки, и ждал момента, который непременно должен был наступить: мама спрашивала своих гостей, как они, «если прислушаться к собственным сердцу и совести», относятся к компаниям, в которых служат их мужья. В этом месте милая беседа обычно прерывалась, и дамы молча слушали маму. Она говорила, как глубоко ее огорчает «роль нашей компании», которую она считала «антихристианской и антибританской». Насколько я помню, трапезы продолжались в неловкой тишине, пока вскоре после этого дамы, холодно попрощавшись, не выходили и не садились в ожидавшие их экипажи или автомобили. Но по рассказам самой мамы знаю, что ей удавалось-таки «завоевать» некоторое число сторонниц среди жен английских чиновников, и этих новообращенных она впоследствии приглашала на свои собрания.

Встречи эти представляли собой гораздо более серьезные мероприятия, и я на них не допускался. Собрания проходили в столовой за закрытыми дверями, и если по случайности я все еще оставался в доме, меня просили ходить на цыпочках. Порой меня представляли какому-нибудь приглашенному, которого мать ценила особо, – священнику или дипломату, но обычно Мэй Ли наказывали увести меня подальше до того, как придет первый гость. Разумеется, дядюшка Филипп был одним из постоянных участников, и я часто решался показаться в поле зрения разъезжающих гостей, чтобы привлечь его внимание. Если он меня замечал, то непременно с улыбкой подходил ко мне немного поболтать. Иногда, если у него не было неотложных дел, я отводил его в сторону и показывал рисунки, сделанные за неделю, или мы шли на террасу, чтобы немного посидеть там вдвоем.

Как только уезжал последний визитер, атмосфера в доме решительно менялась. Мама неизменно становилась после таких встреч веселее, с ее плеч падал какой-то груз. Я наблюдал, как она ходит по дому, напевая и расставляя вещи по местам, и отправлялся в сад ждать ее, потому что знал: закончив уборку, она выйдет ко мне, и сколько бы времени ни оставалось до обеда, все это время будет принадлежать мне.

Когда я стал старше, именно в такие моменты, сразу после собраний, мы с мамой отправлялись на прогулку в Джессфилд-парк. Но когда мне было еще лет шесть-семь, мы

оставались дома и играли в настольные игры или даже в мои игрушечные солдатики. Как сейчас помню, именно в тот период у нас вошла в привычку еще одна игра. На лужайке неподалеку от террасы висели качели. Продолжая напевать, мама появлялась на пороге, шла по траве и садилась на эти качели. Я ждал этого момента на вершине холма в дальней части сада и бегом бросался к ней, притворяясь ужасно сердитым.

– Слезай, мама! Ты сломаешь качели! – Я начинал прыгать вокруг качелей, размахивая руками. – Ты слишком большая! Ты их сломаешь!

А мама, делая вид, что ничего не слышит и не видит, продолжала раскачиваться, взлетая все выше и выше, и пела высоким голосом что-нибудь вроде: «Ты скажи-скажи мне, Дейзи». Поскольку мои ужимки и прыжки никакого эффекта не имели, я (почему – убейте, и сейчас не понимаю) становился перед ней на голову прямо на траве. Пение начинало прерываться взрывами смеха, и мама наконец спрыгивала с качелей, затем мы отправлялись играть во что-нибудь на мой выбор.

И по сей день каждый раз, когда я думаю о маминых собраниях, мне тут же вспоминаются и те страстно ожидавшиеся моменты, которые неизбежно следовали за ними.

Несколько лет назад в течение долгого времени я проводил день за днем в читальном зале библиотеки Британского музея, изучая материалы ожесточенных споров, которые велись в те времена вокруг опиумной торговли в Китае. По мере того как я знакомился с газетными публикациями, письмами и документами тех лет, прояснялось многое, что в детстве казалось таким таинственным. Однако – не могу не признать – основная причина, по которой я предпринял подобное расследование, заключалась в том, что я надеялся набрести хоть на какие-то упоминания о моей матери. В конце концов, говорил я себе, в детстве у меня создалось совершенно отчетливое ощущение, что мама была одной из ключевых фигур антиопиумной кампании. К некоторому своему разочарованию, я нигде не нашел ее имени. Постоянно цитировались и восхвалялись другие противники торговли опиумом, но ни в одном из проштудированных мной материалов не упоминалась моя мать. А вот на имя дяди Филиппа я несколько раз наткнулся. Один раз в письме некоего шведского миссионера в газету «Норт Чайна дейли ньюс», в котором, предавая анафеме целый ряд европейских компаний, автор назвал дядю Филиппа «достойным восхищения маяком нравственных устоев». Отсутствие упоминаний о моей матери было весьма огорчительным, и в дальнейшем я оставил свои изыскания.

Однако сейчас мне совсем не хочется вспоминать о дяде Филиппе. Чуть раньше нынешним вечером я почему-то решил, что упомянул его имя в разговоре с Сарой Хеммингз во время нашей дневной прогулки, даже сообщил ей кое-какие сведения из его жизни. Но, прокрутив в голове наш разговор несколько раз, все же пришел к заключению, что его имя не всплывало, и это, признаться, принесло мне облегчение. Возможно, это глупость, но мне всегда казалось, что дядя Филипп останется существом менее реальным, если будет жить только в моей памяти.

А вот об Акире мне захотелось ей немного рассказать, и теперь, поразмыслив, я не жалею, что сделал это. В любом случае сообщил я ей не так уж много, а она, судя по всему, отнеслась к моим рассказам с неподдельным интересом. Ума не приложу, что побудило меня начать говорить о подобных вещах; садясь с ней в омнибус на Хеймаркет-стрит, я и не помышлял об этом.

Дэвид Корбетт, человек, с которым я был знаком лишь шапочно, пригласил меня пообедать с ним и несколькими друзьями в ресторане на Риджент-стрит. Это весьма модное место, где Корбетт заказал длинный стол в глубине зала на двенадцать персон. Мне было приятно увидеть среди гостей Сару, хотя я был немного удивлен тем, что она – приятельница

Корбетта. Однако, явившись со значительным опозданием, я упустил шанс занять место поближе к ней, чтобы иметь возможность поболтать.

К тому времени начали сгущаться сумерки, и официант зажег свечи на нашем столе. Один из присутствовавших, парень по имени Хегли, придумал шутку: задувать свечи и постоянно вызывать официанта, чтобы тот снова и снова их зажигал. Он проделал это по меньшей мере три раза на протяжении двадцати минут – то есть каждый раз, когда ему казалось, что веселье начинало затухать. Остальные, судя по всему, тоже находили это весьма забавным. Насколько я мог заметить, Сара веселилась от души и громко смеялась вместе со всеми. Прошел приблизительно час с начала обеда – несколько гостей к тому времени, извинившись, покинули нас, – когда в центре внимания оказалась Эмма Камерон, весьма эксцентричная девушка, сидевшая неподалеку от Сары. Насколько я мог слышать, она уже давно обсуждала с соседями свои проблемы, но в какой-то момент за столом воцарилась тишина, и она внезапно оказалась в фокусе всеобщего внимания. Последовала полусерьезная-полуироническая дискуссия о сложных отношениях мисс Камерон с матерью, в которых недавно наступил новый кризис из-за помолвки Эммы с неким французом.

Все наперебой давали Эмме советы. Человек по имени Хегли, например, заявил, что для всех матерей – «и теток, естественно, тоже» – следовало бы построить в зоопарке рядом с серпентарием один огромный вольер. Другие, основываясь на собственном опыте, давали более полезные рекомендации, и Эмма Камерон, наслаждаясь всеобщим вниманием, продолжала развивать тему, театрально расцвечивая анекдотами рассказ о совершенно невозможном характере своей родительницы.

Так продолжалось минут пятнадцать, и тут я увидел, как Сара встала, прошептала что-то на ухо хозяину и вышла из зала. Дамская комната находилась в нижнем вестибюле ресторана, и остальные – те, кто вообще заметил ее уход, – не сомневались, что она отправилась туда. Но когда она выходила, мне бросилось в глаза нечто необычное в выражении ее лица. Именно поэтому я и последовал за ней через несколько минут.

Я увидел ее у выхода. Она стояла и смотрела в окно на Риджент-стрит. Сара не обращала внимания на меня до тех пор, пока я не подошел, тронул ее за руку и спросил:

– Все в порядке?

Она вздрогнула, и я увидел на ее глазах слезы, которые она постаралась скрыть, улыбнувшись.

– Да, все в порядке. Просто мне стало немного душно. Теперь все хорошо. – Она засмеялась и снова стала разглядывать улицу. – Мне очень неловко, должно быть, мой уход показался невежливым. Наверное, следует вернуться.

– Не вижу в этом никакой необходимости, если вам этого не хочется.

Она внимательно посмотрела на меня и спросила:

– Они продолжают обсуждать ту же тему?

– Когда я уходил, продолжали, – ответил я и добавил: – Думаю, мы с вами в дискуссию о неприятностях, которые доставляют матери, не можем внести своей лепты.

Внезапно расхохотавшись, она смахнула слезы, больше не пытаясь скрыть их от меня, и подтвердила:

– Да уж, полагаю, здесь мы некомпетентны. – Потом снова улыбнулась и сказала: – Какая я глупая. В конце концов, они ведь всего лишь веселятся.

– Вы ждете машину? – спросил я, поскольку Сара продолжала внимательно всматриваться в поток автомобилей.

– Что? Нет-нет, просто жду, не появится ли омнибус. Видите, вон там, на другой стороне улицы, остановка. Мы с мамой, бывало, много ездили на омнибусах. Просто ради удовольствия. Я говорю о том времени, когда была девочкой. Если не удавалось занять передние места вверху, мы выходили и ждали следующего. Иногда мы часами катались по Лондону,

глядя по сторонам, разговаривая, показывая друг другу одно, другое, третье... Мне это так нравилось! Кристофер, вы когда-нибудь катались на омнибусе? Вы непременно должны это сделать. Оттуда, сверху, можно столько увидеть.

– Должен признаться, я предпочитаю ходить пешком или ездить в такси. Лондонских омнибусов я побаиваюсь. Мне кажется, очутись я в одном из них, он завезет меня куда-нибудь, куда мне совсем не нужно, и остаток дня придется искать обратную дорогу.

– Можно, я кое-что вам скажу, Кристофер? – Ее голос стал совсем тихим. – Глупо, но я лишь недавно это поняла. Прежде мне это никогда не приходило в голову. Наверняка мама тогда уже испытывала сильные боли. Ей не хватало сил заниматься со мной чем-нибудь другим, поэтому мы так много катались на омнибусах. Это было единственное, что мы могли делать вместе.

– Хотите покататься сейчас? – спросил я.

Она снова окинула улицу долгим взглядом.

– А вы не слишком заняты?

– Для меня это будет удовольствием. Как уже сказал, один я ездить опасаясь. Но поскольку вы в этом деле в некотором роде эксперт, мне следует воспользоваться шансом.

– Очень хорошо, – просияла она. – Я научу вас кататься на лондонских омнибусах.

В конце концов, не желая, чтобы гости, выходя из ресторана, увидели нас на остановке, мы сели в омнибус не на Риджент-стрит, а на Хеймаркете. Когда мы взобрались наверх и Сара обнаружила, что переднее место свободно, ее глаза засветились детской радостью. Мы уселись на него вдвоем, и омнибус с грохотом двинулся в сторону Трафальгарской площади.

Лондон выглядел серым и пасмурным, в соответствии с погодой люди на тротуарах были одеты в плащи и экипированы зонтами. Думаю, мы провели в омнибусе не менее получаса. Проехали по Стрэнду, по Ченсери-лейн, по Кларкенуэлл-Грин. Иногда мы просто молча смотрели на открывавшиеся внизу виды, иногда разговаривали – преимущественно о чем-нибудь малозначительном. Настроение у Сары заметно улучшилось, о матери она больше не вспоминала. Не помню, как возникла эта тема, но после того, как большинство пассажиров вышли на Хай-Холборн и мы двинулись дальше, к Грейс-Инн-роуд, разговор зашел об Акире. Вначале я просто вскользь упомянул о нем, назвав другом детства. Но Сара, вероятно, начала расспрашивать, потому что вскоре я со смехом сказал:

– Часто вспоминаю, как мы с ним вдвоем кое-что украли.

– О! – воскликнула она. – Вот даже как! Выходит, у знаменитого детектива есть тайное криминальное прошлое! Я так и знала, что этот японский мальчик – фигура особая. Ну, расскажите же мне о той краже.

– Едва ли это можно назвать кражей. Нам было по десять лет.

– Но это терзает вашу совесть и ныне?

– Вовсе нет. То был сущий пустяк. Просто мы кое-что стащили из комнаты слуги.

– Как увлекательно! Это случилось в Шанхае?

Наверное, попутно я рассказал ей еще что-то из своего прошлого. Ничего существенного я не открыл, но, расставшись с Сарой сегодня днем – мы в конце концов сошли на Нью-Оксфорд-стрит, – я испытал удивление и даже некоторую тревогу из-за того, что вообще заговорил о своем детстве. После приезда в Англию я ни с кем не говорил о своем прошлом и, как уже отмечал, отнюдь не собирался начинать делать это сегодня.

Но нечто подобное, видимо, уже давно назревало. Потому что, надо признаться, в течение последнего года я все чаще предавался воспоминаниям, и связано это было с тем, что образы прошлого – моего детства, моих родителей – начали расплываться и меркнуть в памяти. Несколько раз я ловил себя на том, что с трудом мысленно восстанавливаю картины, которые еще два-три года назад казались отпечатавшимися в памяти навечно. Иными словами, я вынужден был признать: с каждым годом шанхайская жизнь представляется мне

менее отчетливо. И я испугался, что в один прекрасный день у меня в голове останется лишь несколько смутных образов. Даже сейчас, сидя здесь и пытаюсь привести в относительный порядок то, что пока еще помню, я испытываю потрясение: это немногое и то стало расплывчатым и неопределенным.

Взять хотя бы эпизод с инспектором: хотя мне казалось, что суть произошедшего я помню абсолютно отчетливо, снова прокручивая его в голове, я обнаружил, что в некоторых деталях уже вовсе не так уверен. К примеру, я больше не могу с определенностью сказать, действительно ли мама произнесла тогда такие слова: «Как вы можете спать спокойно, зная, что своим благополучием обязаны столь несправедливым способом нажитому богатству?» Теперь мне кажется, даже в том возбужденном состоянии она должна была бы отдавать себе отчет в их неуместности, а также в том, что, произнеся их, могла легко стать мишенью для насмешек. Трудно поверить, что мама была способна настолько потерять контроль над собой. С другой стороны, вероятно, я вкладываю эти слова в ее уста потому, что именно такой вопрос она постоянно задавала себе, когда мы жили в Шанхае. Тот факт, что «своим благополучием мы были обязаны» компании, чью деятельность мама считала злом, требующим решительного искоренения, безусловно, был для нее источником искренних мучений.

Возможно даже, что я неверно помню контекст, в котором эти слова были произнесены. Вероятно, этот вопрос она задала не инспектору, а моему отцу тогда, после одного из своих утренних собраний, когда они спорили в столовой.

Глава 5

Не помню уж теперь, имел ли место эпизод в столовой до или после визита инспектора по санитарному контролю. Знаю только, что в тот день шел проливной дождь, в доме было сумрачно, и я под присмотром Мэй Ли корпел в библиотеке над учебником по арифметике.

Мы называли эту комнату библиотекой, хотя на самом деле она представляла собой просто небольшой холл, вдоль стен которого возвышались книжные стеллажи. Посредине оставалось немного свободного пространства – ровно столько, чтобы тут уместился стол красного дерева, и именно за ним я обычно делал уроки, сидя спиной к двойным дверям, ведущим в столовую. Мэй Ли, моя няня, относилась к моему образованию как к делу первостепенной важности, и даже если я занимался целый час, ей не приходило в голову, что можно прислониться к книжным полкам, а тем более сесть на стул. Она как часовой стояла у меня за спиной. Слуги давно усвоили, что, пока я занимаюсь, нельзя слоняться поблизости, и даже родители никогда не отвлекали меня, если только в этом не было особой необходимости.

Поэтому меня удивило, что в тот день отец решительно прошагал через библиотеку, не обращая внимания на наше присутствие, вошел в столовую и плотно прикрыл за собой дверь. Это произошло сразу же после того, как мама, пройдя мимо нас, скрылась в столовой. В течение последующих нескольких минут я даже сквозь тяжелую дверь мог уловить отдельные слова и фразы, свидетельствовавшие о том, что мои родители возбужденно спорят. Но, к моему великому сожалению, стоило мне начать прислушиваться и хоть чуть-чуть замедлить бег карандаша по тетрадному листу, как неотвратимо следовало укоризненное замечание Мэй Ли.

Но потом – не помню уж, в чем там было дело, – Мэй Ли позвали, и я неожиданно остался в библиотеке один. Поначалу я продолжал решать примеры, опасаясь того, что будет, если Мэй Ли, вернувшись, не застанет меня за столом. Но чем дольше ее не было, тем настоятельнее становилось мое желание разобрать приглушенный разговор в соседней комнате. Наконец я встал и подошел к дверям, но постоянно отбегал назад, к столу, потому что мне казалось, будто я слышу приближающиеся шаги своей няни. В конечном итоге я нашел способ задержаться у дверей, держа в руке линейку, чтобы в случае неожиданного появления Мэй Ли иметь возможность сказать, будто измеряю длину стен.

Но даже теперь мне удавалось расслышать отдельные фразы лишь тогда, когда родители, забывшись, повышали голос. В мамином звучал тот же праведный гнев, какой звенел в нем во время визита инспектора. Я слышал, как она несколько раз повторила: «Позор!» – и все время называла что-то «греховной торговлей». В какой-то момент она сказала: «И из-за тебя мы все оказались причастными! Все! Какой стыд!» Отец тоже сердился, хотя в его голосе были слышны нотки отчаяния и желание оправдаться. Он все твердил что-то вроде: «Это не так просто. Далекое не так просто», – а в какой-то миг почти закричал: «Это ужасно! Я ведь не Филипп. Я не могу так поступить. Это ужасно, просто ужасно!»

Была в его голосе, когда он выкрикивал это, какая-то пугающая, отчаянная обреченность, и я вдруг страшно разозлился на Мэй Ли за то, что она бросила меня одного. Вероятно, именно тогда, стоя возле двери с линейкой в руке, раздираемый желанием продолжать подслушивать и охотой улизнуть в тишину своей комнаты для игр, к своим оловянным солдатикам, я услышал последние слова мамы: «Неужели тебе не стыдно служить в такой компании? Как ты можешь спать спокойно, зная, что своим благополучием обязан столь несправедливым способом нажитому богатству?»

Не могу сказать, что было дальше: вернулась ли Мэй Ли? Находился ли я по-прежнему в библиотеке, когда родители вышли из столовой? Однако помню, что тот эпизод знаменовал наступление одного из самых продолжительных периодов, в течение которых мои родители не разговаривали друг с другом. Он длился не несколько дней, как обычно, а несколько недель. Это не значит, конечно, что они совсем не общались – им приходилось обмениваться репликами в случае крайней необходимости.

Я уже привык к подобным ссорам и никогда особенно не расстраивался. Пожалуй, на мою жизнь подобные эпизоды оказывали незначительное влияние. Например, папа мог выйти к завтраку с бодрим: «Всем доброе утро!» – и в ответ получить лишь ледяной взгляд мамы. В таких случаях он старался загладить неловкость, повернувшись ко мне и тем же бодрим голосом спросив: «Ну, как поживаешь, Вьюрок? Что интересного видел во сне?»

На что, как мне было известно по опыту, следовало отвечать лишь невнятным бормотанием и продолжать есть. Во всем остальном жизнь моя текла более или менее спокойно. Но должно быть, иногда я все же задумывался обо всем этом, потому что помню, как однажды, когда мы играли дома у Акиры, у нас с ним произошел весьма знаменательный разговор.

С архитектурной точки зрения дом Акиры был похож на наш. Я даже помню, папа рассказывал мне, будто оба дома были построены одной и той же британской фирмой лет двадцать тому назад. Но внутреннее устройство дома моего друга решительно отличалось от интерьера нашего дома и служило для меня источником восхищения. Дело не в преобладании восточных картин и украшений – в шанхайский период моей жизни в этом не было для меня ничего удивительного, – а, скорее, в странных понятиях домашних Акиры о назначении многих предметов западной обстановки. Ковры, которые я привык видеть на полу, здесь висели на стенах; лампы качались под странными огромными абажурами. Но самыми удивительными были японские комнаты, которые родители Акиры устроили наверху. Это были маленькие, ничем не заставленные помещения, полы которых покрывали татами, а к стенам крепились бумажные панели. Оказавшись в такой комнате – во всяком случае, по словам Акиры, – человек мог сказать, что находится в самом настоящем японском доме, построенном из дерева и бумаги. Особенно забавными представлялись мне двери: с внешней стороны это были обычные дубовые двери с начищенными до блеска медными ручками. С внутренней, «японской», – тонкие бумажные листы в лакированных деревянных рамах с инкрустациями.

Так вот, однажды изнуряющим жарким днем мы с Акирой проводили время в этих японских комнатах. Он пытался научить меня какой-то игре с картами, на которых были изображены фигурки японцев. Я кое-как усвоил суть, и мы играли уже несколько минут, как вдруг мне пришло в голову спросить:

– Твоя мать иногда перестает разговаривать с твоим отцом?

Друг озадаченно взглянул на меня – вероятно, не совсем понял. Его английский порой давал сбои. Так что я повторил вопрос. Тогда он, пожав плечами, ответил:

– Мама не говорить с отец, когда он на работе. Мама не говорить с отец, когда он в туалет! – После чего разразился деланным смехом, упал на спину и начал дрыгать ногами в воздухе.

Мне пришлось на время оставить тему. Но, однажды затронув ее, я был решительно настроен довести дело до конца и через несколько минут повторил вопрос.

На этот раз Акира, кажется, понял, что я не шучу, и, отложив карты, стал расспрашивать меня, пока я наконец кое-как не объяснил ему, почему встревожен. Тогда он снова улегся на спину, но на сей раз лишь задумчиво смотрел на вращавшийся под потолком вентилятор. Через несколько минут он произнес:

– Я понимать, почему они не разговаривать. Я знать почему. – И, повернувшись ко мне, добавил: – Кристофер, ты недостаточно англичанин.

Когда я попросил его объяснить, что это значит, он снова замолчал и уставился в потолок. Я тоже улегся на спину и последовал его примеру. Он лежал наискосок от меня, и, когда заговорил, его голос показался мне, помнится, странно бесплотным.

– Это тоже со мной, – сказал он. – Мама и папа прекращать говорить, потому что я недостаточно японец.

Как я уже упоминал, я во многих отношениях был склонен считать Акиру авторитетом, поэтому слушал его в тот день очень внимательно. Твои родители, говорил он, перестают разговаривать друг с другом, когда глубоко огорчены твоим поведением. Это происходит оттого, что я веду себя не так, как подобает истинному англичанину. Если бы я об этом задумался, продолжал он, то я наверняка бы установил связь между теми периодами, когда мои родители не разговаривают друг с другом, и своими промахами. Что касается его, он в таких случаях всегда знает, что опозорил свою японскую кровь, и не удивляется, когда родители перестают общаться. Я поинтересовался, почему они не наказывают нас за это обычными способами, и Акира объяснил, что это совсем другое дело, он говорит о проступках, не имеющих ничего общего с обычным дурным поведением, за которое можно наказать обычным способом. Он имеет в виду то, что огорчает наших родителей чрезмерно глубоко, из-за чего они даже не способны ругать нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.